

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Центр социально-политических исследований
и информационных технологий



О.В. Цветкова

Политическое пространство Кавказского региона:
субнациональные границы
и технологии разрешения
этнотерриториальных конфликтов и споров

Москва
2022

УДК
ББК

Ц27

Ответственный редактор

М.А. Омаров

доктор политических наук, профессор,
директор Центра социально-политических исследований
и информационных технологий

Рецензенты

В.А. Коваленко

доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой российской политики
факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова

В.Ю. Зорин

доктор политических наук, профессор,
главный научный сотрудник
ИЭА имени Миклухо-Маклая РАН

ISBN 978-5-7281-3094-9

© Цветкова О.В., 2022
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2022

Оглавление

<i>Введение</i>	7
<i>Глава 1.</i> Политическое пространство: концептуализация	9
<i>Глава 2.</i> Трансформация субнационального политического пространства Кавказского региона	41
<i>Глава 3.</i> Кавказский регион: этнотерриториальные конфликты и споры в горизонтальном срезе	57
<i>Глава 4.</i> Технология медиации при урегулировании этнополитических конфликтов и споров на Северном Кавказе	72
<i>Литература</i>	83

Введение

В современных условиях пандемии, геополитической конфронтации мировых держав, активизации международного терроризма, расширения неконтролируемых миграционных потоков проблема возникновения противоречий в области этнополитических отношений остается сложной и специфической составляющей внутрироссийской социально-политической обстановки.

Россия – многонациональная и поликонфессиональная держава и для такого государства проблема межнациональных отношений всегда актуальна. Прежде всего необходимо исходить из ясного понимания природы межнациональных отношений как сложного и специфического явления современного мира, а также из определения совокупности (системы) причин и факторов, которые обуславливают развитие межнациональной напряженности как в кросснациональном, так и в национальном (региональном) масштабах. Относительно межнациональной напряженности в современной России на первоначальном этапе возникают факторы, способствующие развитию напряжения.

В монографии рассматривается субнациональное политическое пространство Кавказского региона. Особое внимание уделяется геополитическим и межэтническим особенностям Кавказского региона. Поднимается проблема внутривнутриэтнических этнотерриториальных конфликтов и разногласий в отношении спорных территориальных ареалов и прохождения субнациональных границ субъектов РФ на Северном Кавказе.

Обосновано положение, что межнациональные отношения в пограничных регионах оказывают колоссальное влияние на активизацию конфликтогенных факторов и появлению новых вызовов и угроз территориальных размежеваний на постсоветском пространстве.

По мнению автора, этнотерриториальные конфликты и споры в Кавказском регионе складываются из следующих конфликтогенных факторов: снижение социальной статусности русского населения и развитие моноэтнотизации населения в каждом отдельном субъекте Северо-Кавказского федерального округа; влияние на территориальные споры и конфликты возвращения в республики «нетитульного» населения и слабое обеспечение финансирования социальной инфраструктуры и гарантий безопасности.

Автор предлагает использовать технологию политической медиации в урегулировании и разрешении внутренних этнотерриториальных конфликтов в политическом пространстве Кавказского региона.

Результаты исследования могут использоваться в учебном процессе при преподавании международных отношений, геополитики, политической регионалистики, политической географии, политической лингвистики и иных смежных дисциплин.

Автор выражает глубокую, искреннюю благодарность рецензентам за их советы и рекомендации.

Глава 1

Политическое пространство: концептуализация

Сущность политического пространства

Политическая жизнь общества всегда разворачивается в пространстве и времени. В политической науке – отечественной и зарубежной – активно используется понятие «политическое пространство».

Политическое пространство как категория позволяет зафиксировать единство содержания и формы политического процесса в его мерном, пригодном к измерению абстрактном изображении. Осознание политического пространства осуществляется в форме моделей, алгоритмов, идеальных типизированных конструкций, стереотипов и архетипов.

«Определенное пространство (страна, регион, континент, трансконтинентальное единство) – это базовые параметры любой политики или же ее структурные рамки. Политику определяют как оформление влияния на более или менее точно очерченном пространстве и в достаточно точных временных координатах. Но только субъективная деятельность акторов наделяет эти политические параметры жизнью и придает им смысл. Политика остается, в первую очередь, территориальной и в значительной мере представляет собой овладение, оформление и переформатирование определенного пространства, структурирование и установление в нем тех или иных взаимосвязей».

Понятие «пространство» в научном обороте используется в различных значениях. Наиболее распространены два значения: «физическое» пространство и пространство как метафора (и понятийная конструкция), используемая для описания структуры некоторого явления в соответствии с некоторой условной системой координат (построения электорального пространства). Физическое пространство иногда называют «географическим». Оно актуально для изучения размещения в пространстве явлений,

а главное – для изучения возможностей их влияния друг на друга в зависимости от взаимного расположения.

В политологии понятие «пространство» более объемно. Пространство – это совокупность объектов, связей между ними, определенным образом расположенных друг по отношению к другу. Любая система территориальных отношений в государстве основана на определенном представлении о структуре пространства.

На наш взгляд, до сих пор в политико-территориальной структуре государства нет однозначного понимания политического пространства. Отечественные и зарубежные исследователи политической науки вкладывают в это понятие, в его смысл и содержание абсолютно разные значения. Существующие концепции социального и политического пространства, хотя и содержат интересные подходы, но пока не могут служить готовой методологической основой для разработки проблематики территориально-строительства государства.

Исследования категории пространства активно развиваются в современной России, являясь темой множества работ в области географии, философии, политологии и др. Несмотря на то что географы давно приступили к формированию представления о категории пространства, единства подходов в этой сфере не наблюдается.

Для того чтобы прояснить ситуацию, первоначально необходимо исследовать образы пространства, которые заложены в географии и философии.

В географии получила весьма широкое признание концепция пространства А. Геттнера, где «пространство не объем или то, что заполняется материальными телами, а внутренняя сущность стран, ландшафтов и местностей, которая выражается в причинной связи между соединенными на одном месте земли различными царствами природы и их различными явлениями»¹.

Позднее Э. Алаев отмечал, обращаясь к философской методологии, что «географическое пространство есть как бы проявление философской категории, и “пространство”, применительно все же к географическим “образованиям или объектам”, и каждый географический объект имеют свое физическое пространство и обладают географическим полем». Другими словами, географическое пространство представлено Э. Алаевым как

¹ Геттнер А. География. Ее история, сущность и методы. М.: Государственное изд-во; Л., 1930. С. 228.

«совокупность отношений между географическими объектами, расположенными на конкретной территории и развивающимися во времени»².

Близко по содержанию определение географического пространства, данное А. Трофимовым: «Географическое пространство – это совокупность физических отношений между географическими объектами или системами»³.

В рамках структуралистского подхода российский теоретик географии В. Каганский, основываясь на пространственной структуре, указывает на то, что пространство разделено на крупные части, где проявляется индивидуальность⁴.

Географ Б. Родоман выделяет пространственные системы, которые состоят из функциональных частей, различающихся своей специализацией. Функциональными элементами территориальной системы могут быть географические ареалы (районы, зоны) и пункты (узлы, центры и др.). Сложные пространственные системы иерархичны, а иерархия является территориальной. Территориальные иерархии имеют место и в природе, и в человеческом обществе⁵.

Итак, географический подход в основном посвящен структурированию географического пространства, в котором проходит организация общества. Географическое пространство представляет собой сочетание геосистем и совокупности отношений координации и протяженности сосуществующих разнородных элементов⁶.

Для классических философских исследований пространственных категорий и их образов было характерно доминирование метафизических подходов. Это относится как к древнегреческой и античной философии (например, к трудам Аристотеля), так и к немецкой классической философии (работы Канта и Гегеля).

² *Алаев Э.Б.* Экономико-географическая терминология. М.: Мысль, 1977. С. 159.

³ *Трофимов А.М.* Четыре лекции из цикла «Пространственная география». Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1979. С. 6.

⁴ *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М.: Новое лит. обозрение, 2001.

⁵ *Родоман Б.Б.* Территориальные ареалы и сети. Смоленск: Ойкумена, 1999. С. 132.

⁶ *Шарыгин М.Д., Чупина Л.Б.* Подходы к изучению географического пространства – времени и проблемы, связанные с ним // Теория и методология географической науки. 2013. № 2 (25). С. 5.

Первые научные и философские представления о пространстве и времени в новоевропейской философии связаны с Р. Декартом, Б. Спинозой, И. Ньютоном и Г. Лейбницем.

Несмотря на разные интерпретации пространства в философской науке, по нашему мнению, следует указать на два принципиально различающихся подхода: субстанциальный и реляционный. Согласно субстанциализму, представленному Р. Декартом, пространство понимается в качестве сущности телесной субстанции, т. е. пространство отождествляется с материей. С реляционной точки зрения пространство рассматривается не как самостоятельная сущность, а как порядок отношений, образуемых взаимодействующими объектами, причем вне этой системы взаимодействий пространство не существует. Подобную точку зрения разделял Г. Лейбниц. Идеи Г. Лейбница и Р. Декарта развивались Г. Гегелем, а с материалистических позиций – К. Марксом и Ф. Энгельсом. Пространство и время здесь понимаются как объективные формы бытия материи, органически связанные с ней через движение.

Б. Спиноза и И. Ньютон отделяют материю от пространства и времени. У И. Ньютона пространство – бесконечная протяженность и вместилище всех вещей, поскольку они обладают атрибутом протяженности. Говоря о времени, пространстве и движении, И. Ньютон постоянно подчеркивает, что они постигаются нашими чувствами и тем самым являются обыденными (относительными). И. Ньютон разделил пространство на относительное, зависящее от объектов, и абсолютное, независимое от них. Подобное понимание пространства и времени получает развитие в философии И. Канта, у которого пространство и время являются априорными формами. Пространство – есть необходимое представление априорных форм чувственного созерцания пространства, которое лежит в основе всех внешних восприятий.

Обратим внимание: подходы к пространству в философии повлияли на особенности географического пространства в его традиционном представлении. Изучение проблематики бытия и времени в трудах немецких философов Э. Гуссерля и М. Хайдеггера было прямо связано с попытками создать фундаментальные образы географического пространства.

Философ М. Фуко приравнивал пространство философского опыта к пространству географическому, а само географическое пространство могло выступать лишь как строго функциональное, специализированное, специфическое пространство человеческой деятельности. По мнению Фуко, политическую организацию

и пространство политической власти невозможно оторвать от географического пространства, в котором они сформированы, так как это одно и то же.

Обратившись к пониманию пространства в философии, остановимся на основных моментах, которые косвенно, но все же повлияли на особенности политического дискурса понятия «политическое пространство».

Итак, выделим два ярко выраженных подхода представлений о пространстве:

- 1) «по Декарту» – это пространство как протяженность материальных объектов;
- 2) «по Канту» – пространство как система координат.

Мы не совсем согласны с «декартовским» представлением, поскольку оно задает сущностную разницу между географическим пространством и пространством политических явлений и, следовательно, затрудняет, если не делает невозможным, их сопоставление как двух пространств. Кроме того, политические предпочтения, их изменения от места к месту вряд ли можно считать материальным объектом. «Кантовская» трактовка, на наш взгляд, ближе к пониманию политического пространства, так как выводит все пространственные характеристики из взаимных отношений рассматриваемых объектов.

В своем исследовании мы рассмотрим теоретические подходы к интеграции категории пространства в общественных науках. Здесь следует назвать таких социологов и политологов, как Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, П. Сорокин, П. Бурдьё, Т. Парсонс, Э. Гидденс, С. Роккан. Отметим, что работы этих авторов выдержаны с точки зрения «реляционной» концепции, в противовес «субстанциональной», которая рассматривает пространство через призму свойств и отношений объектов. Фактически, здесь заложено понимание пространства через его структурные характеристики – совокупность отношений между формирующими пространство объектами.

В общественных науках, прежде всего в социологии, в основном раскрывается проблема социального пространства, исследуется, из чего состоит социальное пространство, как происходит взаимодействие через его структуры. По Дюркгейму, общество создает свое пространство, которое не пересекается с физическим и географическим. Социальное пространство рассматривается как момент социальной структуры.

По Г. Зиммелю, пространство влияет на развитие и функционирование социальных форм. В то же время само пространство

не рассматривается в качестве действующего социального фактора, поскольку содержание форм зависит от компонентов, наполняющих это пространство, а не от самого пространства. Зиммель обратил внимание на пространственные аспекты отношений между государствами в связи с перспективами анализа внутреннего пространства общества.

Вспомним также, что П. Сорокин предложил пространственное осмысление социального мира, причем он исследовал социальное пространство под углом зрения социальной мобильности. По его мнению, «социальное пространство представляет некую вселенную, состоящую из народонаселения земли»⁷. Он утверждает, что «социальное пространство в корне отличается от пространства геометрического». Этот тезис подтверждают примеры, где субъекты могут быть близкими в физическом пространстве и далекими в социальном пространстве.

Другой точки зрения придерживается П. Бурдьё: «Социальное пространство – ансамбль невидимых связей, которые формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции: сверху, снизу или между, посередине»⁸. Бурдьё разграничивает физическое и социальное пространство. Он полагает, что «физическое пространство определяется по взаимным внешним сторонам образующих его частей, в то время как социальное пространство – по взаимоисключению позиций, которые его образуют, так сказать, как структура рядоположенности социальных позиций».

Личностный подход к пространству характерен для Т. Парсонса, теории «пространство» и «нормативный порядок» связаны между собой через личность, существование которой предполагает телесность. В свою очередь, телесность индивидов и фактор пространства как общественные проблемы взаимозависимы.

Согласно структуралистской теории социолога. Э. Гидденса, «социальное пространство представляет собой совокупность систем, которые структурируют его»⁹.

⁷ Сорокин П. Социальная и культурная мобильность // Человек, цивилизация, общество / Под ред. А.Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992. С. 297–307.

⁸ Бурдьё П. Социология политики. М.: Socio-Logos, 1993. С. 95.

⁹ Маринчешка Т.Л. Теория структурирования Э. Гидденса // Маринчешка Т.Л., Деменчонок Э.В. Новое направление в западной социальной философии. М., 1988. С. 17.

Гидденс подчеркивает различие между понятиями «пространство» и «место», поскольку они зачастую используются как синонимы¹⁰. Понятие «место» лучше всего осмысливать с помощью понятия «окрúга», отсылающего к физическому окружению социальной деятельности в его географическом расположении. В обществах, предшествовавших современному, пространство и место во многом совпадают, поскольку пространственные параметры социальной жизни для большей части населения и в большинстве отношений заняты «присутствием», т. е. деятельностью в определенном окружении.

Таким образом, социальное пространство – это совокупность объектов, связей между ними, определенным образом расположенных по отношению друг к другу.

В отечественной и зарубежной политической науке активно используется понятие «политическое пространство».

В западной науке тема взаимоотношения пространства и социума получает дальнейшую разработку в концепции пространственности Э. Сойя, где пространство уже рассматривается с точки зрения политической организации¹¹. Наиболее заметным в этой концепции является утверждение о том, что в то время, как во всех обществах существуют пространственные измерения, территория исторически и географически более ограничена, чем это предполагается. Сойя смотрит на ряд других обществ, предполагая, что «почти во всех этих обществах есть социальное определение территории, а не территориальное определение общества»¹², что приводит его к идее политической организации пространства.

С точки зрения политической организации пространства выдающийся норвежский политолог С. Роккан развивал концепцию государствообразования, где особое внимание уделял объяснению закономерностей взаимодействия между властным центром и регионами в пределах одного государства.

На наш взгляд, теория Роккана является одной из базовых в исследовании границ и территориального устройства, так как в ней главное внимание уделяется формированию территориаль-

¹⁰ Гидденс Э. Устроение общества: очерк истории структуризации. 2-е изд. М.: Академ. проект, 2005. С. 135.

¹¹ Soja E.W. The political organization of space. Commission on College Geography Resource 1971. Paper 8. Washington, DC: Association of American Geographers, 1971. P. 16.

¹² Ibid. P. 13.

ной идентичности и дихотомии центра и периферии в структуре политического пространства.

Рассматривая государство как территориальное образование, Роккан проясняет отношения между территориальными регионами и группами, ведущими политику в пользу регионов. Выделяя региональные политические движения, которые идентифицируют себя с некоторой территорией и с некоторой группой населения, он уточняет, что необходимо учитывать два взаимосвязанных пространственных измерения.

Первое измерение Роккан называет «пространство принадлежности» (*membershio space*). Оно связано с принадлежностью к группе, которая обладает и, возможно, знает об этом своем обладании, некоторыми общими социокультурными чертами.

Второе пространственное измерение – «территориальное пространство» (*territorial space*), которое представляет собой самоотождествление с особой географической областью и проживание в ней. Эти два измерения необязательно должны совпадать. Роккан относит их к двум идеальным типам исторического процесса государственного строительства и формирования нации в Западной Европе.

Пространства принадлежности представлены у Роккана как собрание отдельных групп, каждая из которых обладает особой культурной идентичностью, ради особых политических или экономических целей (веберовское понятие “*politische Verband*”). В отличие от территориального пространства, идентичность здесь основана скорее на принадлежности к своей группе, нежели на государстве, которое состоит из собрания различных идентичностей.

В рамках исторического подхода заслуга С. Роккана состоит в исследовании процесса формирования территориальных государств и наций. Основа идеи была заложена в концепции А. Хиршмана, который описал стратегии индивидуального поведения в отношении формальных правил в неблагоприятных условиях и ввел следующие категории: «лояльность» (правилам), «голос» (стремление опротестовать и изменить правила) и «выход» (невыполнение невыгодного правила). Хиршман рассматривал «выход» и «голос» как альтернативные варианты выражения недовольства людей, реализующиеся в зависимости от возможностей, предоставляемых организацией, в которой эти люди находятся¹³.

¹³ *Hirschman A.O. Exit, Voice, and Loyalty: Response to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1970. P. 64.*

Модель Роккана связана со строительством центра формирующегося государства и со степенью контроля за границей, которая предоставляет возможность «выхода». Для разных периодов формирования государства характерны различные варианты «выхода». Например, для ранних этапов была характерна сецессия: многие территориальные государства на стадии формирования были подвержены угрозе распада¹⁴.

Степень контроля за границами определяет конфигурацию акторов и публичных ресурсов, «закрытых» на определенной территории. В ситуации «закрытости» возможности для выхода отсутствуют, что толкает акторов на укрывательство ресурсов, которыми они временно обладают, или на реализацию «голоса». Контроль над «выходом» и «входом» посредством образования границ предполагает наличие иерархии в организации, сообществе или государстве. Как правило, с закрытием границ возрастают возможности политического контроля. Компетенция, досягаемость и сложность внутренней иерархии зависят от ограничений, которые предполагают строительство границ и контроль над «выходом».

Контроль за границами и сокращение возможностей «выхода» акторов генерируют процесс более эффективного выполнения специализированных функций политической иерархии¹⁵. Чем выше контроль за границами, тем больше возможностей у иерархических структур стабилизировать и легитимировать свои доминирующие позиции, и наоборот.

Осуществленное Рокканом перенесение логики концепции Хиршмана на макросистемный уровень, рассмотренное нами выше, представляется крайне продуктивным. Оно позволило объяснить роль взаимодействия между центром и перифериями, между различными центрами в процессе формирования территориальных государств и наций, а также выявить различные модели этого явления, разнообразие которых нашло свое систематическое отражение в концептуальной карте Европы¹⁶.

¹⁴ *Finer S.* State-building, state boundaries and border control: An essay on certain aspects of the first phase of state-building in Western Europe considered in the light of the Rokkan Hirschman model // *Social science information.* 1974. Vol. 13. P. 79–126.

¹⁵ *Bartolini S.* Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union. Oxford, Oxford Univ. Press, 2005. P. 29.

¹⁶ *Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю.* Балто-Черноморье: времена и пространства политики: Монография. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. С. 63.

Связывая территориальные структуры с национальным строительством, С. Роккан и Д. Урвин выделили четыре категории территориального пространства.

1. *Территориальное пространство*, где имеется четко выраженный центральный пункт контроля при слабых или отсутствующих региональных институтах, которые могли бы сохранять идентичности или функционировать в качестве агентов сбора участников политического движения для протеста. При возникновении политического протеста не меняется господствующая территориальная структура государства.

2. *Территориальное пространство с сильными признаками пространственной принадлежности*. Если территория географически отдалена от центра и обладает экономикой, которая отличается от экономики остальной части государственной территории (особенно центра), тогда ее можно более точно описать как «периферию», которая может обладать потенциалом генерирования политического протеста.

3. *Пространство принадлежности с сильными признаками территориального пространства*, где преобладает идея соглашения и существует разнообразие идентичностей. Однако принадлежность здесь подвержена давлению изнутри. Напряжение возникает из-за появления одного или нескольких конкурирующих центров со своими собственными амбициями, преследующих цель территориальной стандартизации.

4. *Преимущественно пространство принадлежности*, когда нет напряжений и территориальной политической мобилизации, направленной против государственного устройства. Там, где напряжения все же возникают, они вызваны в первую очередь давлением извне, к примеру, в результате самоотжествления различных участников соглашения с разными соседними государствами¹⁷.

Роккан и Урвин выделяют главные источники территориальных напряжений: культурную дистанцию (лингвистическая, религиозная или смешанная, «этническая») между центральными областями и «менее привилегированными» перифериями; экономические конфликты между региональными центрами, соревнующимися за контроль над торговыми и промышленными ресурсами.

¹⁷ Роккан С., Урвин Д. Политика территориальной идентичности: Исследования по европейскому регионализму // Логос. № 6 (40). 2003. С. 127.

Ярким примером структурного анализа политического пространства выступают отношения центра и периферии, рассмотренные в концепции Роккана и Урвина.

Центр характеризуется как привилегированный пункт территории, в котором наиболее часто встречаются друг с другом обладатели ключевых военных (административных), экономических и культурных ресурсов; где имеются специально установленные места для обсуждений, переговоров и принятия решений; где люди собираются для ритуальных церемоний подтверждения своей идентичности; где присутствует самая большая доля экономически активного населения, занятого обработкой и передачей на дальние расстояния сообщений и инструкций¹⁸.

Таким образом, центр – узловой пункт в коммуникационной сети, основная функция которого – осуществление политического и экономического «локуса», где принимаются самые важные решения, где основные акторы, их семьи и союзники обычно взаимодействуют между собой¹⁹. Периферия, напротив, зависимая территория, обладающая незначительным культурным потенциалом и контролирующая лишь собственные ресурсы. Она взаимодействует только с центральным регионом, от других регионов она изолирована.

Центр стремится обеспечить себе политическое и экономическое доминирование посредством эффективной системы административного контроля и посредством постоянной сознательной политики культурной стандартизации создать из разнообразия единство.

Роккан выделяет несколько типов периферий в зависимости от их географического положения относительно различных центров и каналов коммуникации.

Первый тип периферий – анклавные периферии, представленные лингвистически изолированными меньшинствами, не ставшими носителями доминантной культуры (например, территории, заселенные представителями ретороманской языковой группы, проживавшими в Грисонсе в Швейцарии и в Фриулии на границе Италии).

Второй тип периферий – приграничные периферии, или буферные (трансграничные) зоны, «которые находились между

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Rokkan S. Cities, states and nations: A dimensional model for the study of contrast in development // Building states and nations: Method and data resources. Vol. 1. Beverly Hills: Sage, 1973. P. 73.*

доминирующими центрами и никогда полностью не входили в состав какого-либо объединения» (Фландрия и Валлония, Люксембург, Эльзас и Лотарингия, Бернская Юра, Савойя, Валь-д'Аоста, Ницца, Южный Тироль, Триест, Каринтия и др.). К этой группе примыкают периферии, претендовавшие на роль центра, но так и не сумевшие им стать (Шотландия, Каталония, Бавария).

Третий тип – внешние периферии (кельтско-атлантическая периферия)²⁰.

Эти типы периферий по-разному реагируют на попытки возвышения центров и контроля территории и «политической арены» в целом. Например, трансграничные периферии в силу имеющихся возможностей «выхода» сложно интегрировать в рамках единого государства. Проблема многократно обостряется в тех случаях, когда региональные интересы этой периферии дополняются культурными, этническими или конфессиональными особенностями и противоречиями, которые подкрепляют и усиливают друг друга, создавая основу для политической идентичности, альтернативной центру. Кроме того, Роккан отмечает, что стиль и структура периферийного протеста заметно различаются у территорий без истории самостоятельного строительства центра в прошлом и у тех, у кого имеются доставшиеся от прошлого традиции независимого управления²¹.

На основе этих критериев центрального положения Роккан и Урвин выводят дихотомию между моноцефальностью и полицефальностью. Моноцефальное территориальное образование – это такая структура, в которой в соответствии с обоими определениями центра и по всем трем измерениям дифференциации (политическом, экономическом, культурном) имеется заметное первенство только одной области, или даже только одного города. Противоположное понятие, «полицефальность», означает более ровное, более однородное распространение признаков центрального положения по всей территории, и, возможно, пространственную сегментацию различных типов обладателей ресурсов, цепь функционально различных центров, каждый из которых обладает своим собственным профилем элитных групп.

²⁰ Мелешкина Е.Ю. Формирование новых государств в Восточной Европе: Монография. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 79; Rokkan S. The center-periphery polarity // Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis. Frankfurt a. M.: Campus, 1987. P. 10.

²¹ Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю. Балто-Черноморье: времена и пространства политики. С. 63.

Моноцефальность и полицефальность территориальных образований в данной работе относится к моделям региональных отношений между центром и периферией, т. е. к распределению властных полномочий между политическими субъектами в политическом пространстве государства.

Исследование концепта «политическое пространство» ведут современные российские ученые. Российский географ В.А. Колосов в своих работах указывает на интегральное геопространство, состоящее из различных политических, экономических и культурных физических пространств. Их наложение создает дифференциацию интегрального геопространства: социально-экономических и природных условий деятельности (специализации и структуры хозяйства, расселения, количественных и качественных характеристик населения – его состава, уровня и образа жизни, политической культуры и самосознания (идентичности)). Более емко, по определению Колосова, политико-географическое пространство представлено как форма бытия политических феноменов и политико-географических объектов, их сосуществования, соразмерности, взаимного расположения, взаимодействия, интенсивности. Причем физическое пространство проявляется в политико-географическом опосредованном, в виде количественных и качественных характеристик, таких как соразмерность, протяженность, форма дифференциации, связанность и мозаичность²².

На наш взгляд, следует разделить два подхода к политическому пространству – физический и метафизический, и использовать их во взаимосвязи. С позиции физического подхода политическое пространство характеризуется физической протяженностью. Это означает, что политические явления должны занимать площадь (иметь протяженность) и являться элементом физического пространства.

Метафизический подход к определению политического пространства предполагает совокупность объектов и связей в воображаемом пространстве, т. е. они не имеют физической протяженности.

Политическое пространство отображает отношения между политическими явлениями. По сути, политическое пространство как категория позволяет зафиксировать единство содержания и формы политического процесса в его мерном, пригодном к из-

²² Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и политическая география: Учеб. для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 243.

мерению, абстрактном изображении. Осознание политического пространства осуществляется в форме моделей, алгоритмов, идеальных типизированных конструкций, стереотипов и архетипов.

Политическое пространство следует рассматривать как производное от пространства как такового, где протекает последовательная смена политических явлений и состояний. Определенное пространство (страна, регион, континент, трансконтинентальное единство) – это базовые параметры любой политики, или же ее структурные рамки. Политику определяют как оформление влияния на более или менее точно очерченном пространстве и в достаточной точности временных координатах. Но только субъективная деятельность акторов наделяет эти политические параметры жизнью и придает им смысл. Политика остается в первую очередь территориальной и в значительной мере представляет собой овладение, оформление и реформативное преобразование определенного пространства, структурирование и установление в нем тех или иных взаимосвязей²³.

Под политическим пространством мы, соглашаясь с Р. Туровским, понимаем совокупность политических явлений и отношений, выраженных в физическом пространстве (геопространстве), и внепространственных отношений, т. е. существующих только в метапространстве. Политическое метапространство рассматривается как пространство, не выраженное непосредственно на местности, а потому воображаемое, но при этом определенным образом структурированное и имеющее свою геометрию политических отношений. Политическое геопространство представляет собой проекцию политического пространства на земную поверхность, которая придает ему «физический» характер²⁴. Причем здесь подразумевается тесная взаимосвязь политического метапространства и геопространства.

Схожая позиция наблюдается в трудах специалиста в области политической философии Э. Баталова. Политическое пространство выступает как сложная система связей, складывающихся между участвующими в политической жизни субъектами (политическими акторами), объединяющими их в многомерное объемное целое. Эти связи проявляются через отношения по-

²³ Мельвиль А.Ю. Пространство и время в мировой политике // Космополис. 2007. № 2 (19). С. 117–122.

²⁴ Туровский Р.Ф. Баланс политических отношений между центром и регионами в процессах государственного строительства: Дис. ... д-ра полит. наук. М.: МГУ, 2007. С. 54.

литических акторов друг к другу. Политическое пространство у Баталова не совпадает с геометрическим (физическим) пространством²⁵. Следовательно, он понимает политическое пространство как пространство отношений. Мы согласны с этой позицией, так как в политическом пространстве складываются политические отношения между территориальными единицами (говоря о России – регионами).

Концепцию политического метапространства развивает культуролог Д. Замятин. Политическое пространство – пространство образов, ментальных репрезентаций в рамках географии культуры²⁶.

Политическое пространство в обобщенном виде является специфической институциональной средой, где значительная часть предполагаемых или планируемых трансакций уже как бы существует в форме чужих, инородных географических образов, так как любое политическое решение или международный договор можно представить как пространственную сделку, а само политическое или политико-географическое пространство интерпретировать как процесс и одновременно результат политических трансакций²⁷. Характерно, что в дальнейшем эти политико-географические образы могут формировать достаточно сложную, разветвленную и часто иерархизированную единую систему – геополитическую картину мира.

С учетом вышеизложенного можно констатировать: территория нуждается в понимании с точки зрения ее отношения к пространству, а политика имеет территориальный характер. Представления о пространстве носят преимущественно структурный характер, поэтому анализ должен проводиться с опорой на определенное деление пространства на части.

Проблема идентификации политического пространства в политико-территориальной структуре государства может быть изучена при полном комплексном исследовании территориально-строительства в государстве.

²⁵ Баталов Э.Я. Топология политических отношений // Полис. Сер. «Политические исследования». 1995. № 2. С. 90.

²⁶ Замятин Д.Н. Пространство как образ и трансакция: к становлению геонимики // Общественные науки и современность. 2008. № 2. С. 80–92.

²⁷ Замятин Д.Н. Политико-географические образы. Представление географических знаний в моделях политического мышления // Человек в зеркале географии. Смоленск: Мышление, 1996. С. 27.

Для более полного представления структуры политического пространства внутристранового уровня необходимо рассмотреть отношения центра и периферии (на примере России).

Структурирование политического пространства: центр и периферия

Как отмечено выше, государство имеет пространственно-территориальное измерение, и формирование политического пространства зависит от составляющих его структуру компонентов. Среди концепций, проявляющих большой интерес к структурам, особого внимания заслуживает структурный функционализм.

В изучении политического пространства необходимо учесть структурирование политических отношений на территории государства, так как модели региональных отношений России включают в себя связи между ядром страны и периферией (городом и селом, местностями разных типов).

Несмотря на то что в современной западной региональной науке концепция «центр–периферия» фигурирует в качестве одной из множества, на наш взгляд, ее можно рассматривать как явление основное, как систему взглядов, пронизывающую практически всю современную политико-территориальную структуру России. Это связано с федеративным устройством России. Отметим, что в региональных отношениях существуют централизующие стратегии: все регионы и периферии, каков бы ни был их культурный или экономический статус, инкорпорированы в одну универсальную систему стандартизации. В федеративных государствах существуют стратегии федерального соглашения (*federalizing accomodation*). Согласно им, все регионы и периферии подчинены одной системе коллективного принятия решений, по крайней мере в вопросах обороны и внешней политики. Тем не менее регионы имеют некоторые гарантии защиты и сохранения базового культурного своеобразия, а также некоторую автономию в принятии решений, в связи с чем формируются модели на взаимовыгодных условиях.

Основными элементами в политико-территориальной структуре выступают объекты и процессы, связанные с осуществлением власти в обществе на всей внутристрановой территории, в том числе модели региональных отношений «центр–периферия». Исследование сложного процесса развития этих

моделей имеет практическую значимость и может использоваться в политологии для прогнозирования происходящих изменений в политическом пространстве России.

Мы исходим из позиции, что структура политического пространства в значительной мере базируется на структуралистской традиции, в основе которой лежит принцип оппозиции между бинарными структурами. Следовательно, политическое пространство организуется по иерархическому принципу. Этот подход развивал в своих работах Ж. Деррида, суть которого состоит в том, что любое пространство что-то исключает или от чего-то дистанцируется. В нашем случае центр исключает периферию или дистанцируется от нее.

В общем виде структура политического пространства включает следующие компоненты: центр (место, в котором принимаются решения, действуют соответствующие институты и элиты), периферия (территориальные сообщества, развитие которых зависит от принятых в центре решений) и способы взаимодействия между ними²⁸.

Политическое пространство организуется как создаваемая в центре иерархия структур политического контроля, политических и административных юрисдикций. История пространственной экспансии, освоения или завоевания периферии (ее успехи или неудачи, а также физические размеры) определяет структуру системы территориального контроля и существенно влияет на внутреннюю структуру политических систем в целом²⁹.

Для рассмотрения предложенной проблематики обратимся к трактовке понятий «центр» и «периферия». Мы исходим из позиции, что центр не может существовать без периферии, поэтому необходимо, прежде всего, учитывать специфику взаимоотношений между центром и периферией, а именно региональные, культурные, этнические и экономические особенности. В основном исследователи определяют центр как субъект, имеющий преимущества, а периферию – как субъект, лишенный их.

В рамках структуралистского подхода центр, как правило, ассоциируется с агрессивностью, силой, унификацией, благополучием, стабильностью, упорядоченностью, нормой, цивили-

²⁸ *Rokkan S.* State Formation, Nation-Building, and Mass Politics in Europe: The Theory of Stein Rokkan: Based on His Collected Works. Oxford, N.Y.: Oxford Univ. Press. 1999. P. 95–122.

²⁹ *Гончаров Д.В.* Структура территориальной политики в России // Полис. Сер. «Политические исследования». 2012. № 3. С. 63–74.

зованностью, сложностью, самодостаточностью, динамизмом, развитостью, освоенностью.

Периферия, наоборот, характеризуется отсталостью, зависимостью, завистью, хаотичностью, дисбалансом, дефицитом ресурсов, простотой, инертностью³⁰.

Центр интегрирует систему элементов изнутри и представляет ее вовне. Другими словами, центр – организатор и символ системы. Периферия же – зона, на территории которой решают свои собственные, чуждые периферии задачи за счет эксплуатации ее ресурсов³¹. Отметим, что в этой иерархии периферия является основой: без периферии нет центра.

По предположению Ж. Дерриды, «центр парадоксальным образом находится внутри структуры и вне ее. Центр находится в центре целостности и, однако, ей не принадлежит, эта целостность имеет свой центр где-то в другом месте»³². Другими словами, центр, организуя структуру, сам при этом избегает структурности. Периферия, в свою очередь, может быть представлена следующими вариантами.

1. Провинция, которую можно охарактеризовать как политически лояльное, но культурно и исторически самобытное и самодостаточное пространство, наполненное собственными смыслами и имеющее свою идентичность. Сценарий провинциальности реализуется там, где внешняя среда не дает региону сильных стимулов для взаимодействия с ней, заставляя реализовывать собственный культурный потенциал во внутреннем пространстве.

2. Приграничность (или рубежность), которая в дискурсивном плане либо героизируется, либо, наоборот, десакрализуется³³. Граница – зона «двойной принадлежности», поскольку она является стыковочным модулем между двумя соприкасающимися друг с другом политическими пространствами. Приграничные территории могут выступать зонами взаимодействия различных

³⁰ Глинский Д. Современная Россия в центр-периферической системе координат: к постановке проблемы // Полярная звезда. 2004. 11 июня.

³¹ Каганский В.Л. Центр–провинция–граница. Основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. М.: Смоленск: Изд-во СГУ, 1998.

³² Деррида Ж. Письмо и различие. СПб.: Академический проект, 2000. С. 353.

³³ Бредникова О. Последний рубеж // Отечественные записки. 2002. № 6 (7).

социокультурных и политических потоков. В нашем представлении концепт «пограничье» относится именно к этой структуре.

3. «Альтернативная центральность» (либо «вторичная столичность», например Санкт-Петербург).

4. Двойная периферия представляет территории, находящиеся на стыке двух конкурирующих политических систем, являясь для каждой из них периферией (Калининградская область для Евросоюза и России).

5. Полупериферия отражает существование ряда промежуточных звеньев между центром и не-центром. Иначе говоря, периферия, тяготеющая к нескольким внешним центрам при перекрывании зон их влияния³⁴.

В целом в исследовательской литературе, посвященной взаимодействию центра и периферии, можно выделить ряд подходов.

В *структурно-функциональном подходе* модель отношений «центр–периферия» непосредственно связана с политико-экономическими отношениями. Этот подход основан на экономических исследованиях и процессе пространственной поляризации, из-за которой возникают диспропорции между центром (ядром) и периферией. Например, по теории Дж. Фридмана, внутренняя (ближняя) периферия получает импульсы развития от центра, на внешнюю (дальнюю) периферию центр практически не оказывает мобилизующего влияния. На пространственном уровне центр и периферия связаны между собой потоками (информация, капитал, рабочая сила), определяющими характер взаимодействия между центральными и периферийными структурами, где пространство является силовой ареной. Сила движения заключена в трансформации ядра за счет генерирования, внедрения и диффузии новшеств.

В концепции Фридмана рассматриваются отношения нововведений, развивающиеся в трех направлениях по иерархии³⁵. От ведущих экономических районов (национального хартленда, метрополиса) к районам периферии (хинтерланду), из центров высшего уровня – в центры второго порядка, из крупных городов как ядер поляризации – в прилегающие районы. Факторами доминирования центра выступают инновационная деятельность, развивающаяся в пределах центра (ядра), и разного рода ресурсы, поступающие в центр из периферийных районов, что ослабляет последнюю.

³⁴ *Казанский В.* Невменяемое пространство // Там же.

³⁵ *Friedmann J.* Regional development policy. Boston: Mass. Instst. Techn., 1966. 458 p..

В национальном масштабе закономерности поляризации территории проходят четыре стадии. На первой стадии территория страны представляет собой систему локальных центров (ядер) с определенной зоной влияния. Внутрорегиональная поляризация населения и хозяйства заметно сильнее межрайонной, и вряд ли можно говорить о доминировании национального центра (ядра) как более развитого района.

На второй стадии наиболее благополучное и динамичное из существующих региональных ядер формирует вокруг себя поляризованный район, который становится главным центром (ядром) национальной территории, окруженным обширной периферией.

На третьей стадии в ряде периферийных районов созревают условия для более активного роста региональных ядер поляризации, новых ареалов производства, вследствие чего моноцентрическая территориальная структура постепенно трансформируется в полицентрическую.

На четвертой стадии самым динамичным элементом этой структуры становится межметрополитенская периферия.

В теории Фридмана центрами территории считаются наиболее развитые и современные с экономической точки зрения регионы (области), а имманентная неравномерность экономического роста ведет к росту диспропорции в развитии и стадийной поляризации пространства. Последняя определяется особенностями соответствующей стадии экономического развития, которая проецирует определенную систему взглядов на территориальную организацию общества.

В соответствии с *центр-периферийным подходом* политическое пространство организуется как создаваемая в центре иерархия структур политического контроля, политических и административных юрисдикций, созданная для процесса принятия политических решений во внутрискановом измерении.

Если рассматривать отношения «центр–периферия» на макроуровне, то следует обратиться к концепциям неомарксистов. Неомарксисты рассматривали воздействие центр-периферийных отношений как основу формирования отношений на мировой арене³⁶. В целом для неомарксистов характерен экономический детерминизм, хотя в поле их зрения находятся не только экономи-

³⁶ *Wallerstein I.* The modern world system. N.Y.: Academic press, 1974; *Idem.* Historical capitalism. N.Y.: NLB, 1983; *Hechter M., Brustein W.* Regional modes of production and patterns of state formation in Western Europe // Amer. j. of sociology. 1980. Vol. 85. № 5. P. 1061–1094.

ческие, но социальные и политические отношения. Представители неомарксистского подхода обращают внимание на три аспекта отношений между центром и периферией³⁷:

- 1) формирование центров современных государств;
- 2) этническая мобилизация;
- 3) сопротивление процессу формирования нации.

Концепция мировых систем И. Валлерстайна основана на отношениях центра и периферии, в котором присутствует разделение территории на троичную стратификацию: ядро (или центр), полупериферия и периферия. Ядро отличается относительно высоким уровнем в экономическом плане (уровень заработной платы, применение прогрессивных технологий), на периферии более простая экономическая структура (низкий уровень заработной платы, использование более примитивных технологий). Согласно концепции между центром и периферией, устанавливаются иерархические отношения господства и подчинения, при которых ядро эксплуатирует периферию. Центры формируют вокруг себя периферию, стягивают к себе основные торговые и финансовые потоки, образуя единое экономическое пространство.

Валлерстайн оперирует понятием «полупериферия», которое рассматривается как промежуточное звено между центром и периферией, сочетающее черты и того и другого. Полупериферия эксплуатируется ядром, но эксплуатирует периферию и является своего рода стабилизирующим элементом в мировом разделении труда. Полупериферия – наиболее динамичное звено во всей иерархической системе, именно за ее счет происходит, как правило, реорганизация пространства в периоды экономических кризисов. Но не все полупериферийные страны или районы могут перейти в новые центры мирового роста. Это зависит от политических процессов, которые идут в полупериферии, следовательно, полупериферия играет в мировой системе больше политическую, чем экономическую роль.

По Валлерстайну, закономерным процессом исторического развития в мировой экономике является гибель одних держав и расцвет других. Ведущие мировые государства оказывают положительное влияние на периферию, подготавливая условия для ее развития. Например, на протяжении двух столетий центр мирового капитализма перемещался из Великобритании в Германию,

³⁷ *Wellhofer S. Core and Periphery: Territorial Dimensions in Politics // Urban Studies. 1989. Vol. 26. № 3. P. 341.*

затем – на восток США, а теперь находится в Тихоокеанском регионе (ось Лос-Анджелес–Токио).

В связи с исследованием вопроса о влиянии центра на характер развития периферии существенный интерес представляет типология центр-периферийных систем, предложенная американским социологом Ш. Эйзенштадтом. В его типологии выделяются два вида центр-периферийных систем³⁸: системы, в которых центры радикально отличаются от периферии, и системы, в которых такого различия не существует.

Суть *социально-экономического подхода* заключается в том, что центр является наиболее развитой и современной с экономической точки зрения территорией, где поляризованное пространство разделяется по стратификации.

В рамках *инновационного подхода* выделим теорию диффузии инноваций шведского географа Т. Хегерстранда³⁹. В его теории моделируются процессы в территориальной проекции в модели отношений «центр–периферия». Он указывает на два типа инноваций по способу воздействия на среду (периферию). При прямой (или механической) инновации диффузия означает прямой перенос нововведения с одной территории на другую, трансформация самого нововведения при его перемещении не считается значимой. При косвенной (или стимулирующей) инновации диффузия влечет за собой изменение местной среды. Речь идет не о «механическом» принятии нововведения, а об изменении местной среды под его воздействием и, соответственно, трансформации (местной адаптации) нововведения.

При стимулирующей диффузии периферия проявляет активность, поскольку не может считаться пассивным объектом, просто воспринимающим инновации. Негативная диффузия затрагивает только консервативные территории. В остальных случаях ситуация возникает на адаптивных территориях.

Анализируя модели отношений «центр–периферия» в рамках инновационного подхода, следует отметить, что в государстве может сложиться достаточно устойчивая система цен-

³⁸ Eisenstadt S. Cultural Orientations and Center-Periphery in Europe in a Comparative Perspective / P. Torsvik (ed.)// Mobilization, Center-Periphery Structures and Nation-Building: A Volume in Commemoration of Stein Rokkan. Bergen: Universitetsforlaget; Irvington-on-Hudson, N.Y.: Columbia Univ. Press, 1981.

³⁹ Hagerstrand T. Innovation Diffusion as a Spatial Process. Chicago, 1967. P. 26.

тров и периферий, внутри которой и перемещаются инновации. Каждая отдельная инновация имеет свой динамический характер. Т. Хегерstrand выделил в этой связи следующие методологические проблемы.

Первая проблема конденсации существует при насыщенности инновации до такой степени, что ее считают общепринятым явлением. На этом этапе можно констатировать, что движение инновации в пространстве завершилось и региональная дифференциация исчезла. В ситуации конденсации степень восприятия инновации в регионах может быть различной.

Вторая проблема диффузии устаревших нововведений возникает, когда инновация перестает быть таковой для центра и теряет там свои позиции. Тем самым происходит миграция, отмечается диффузия через перемещение, когда центр воспроизводит новую инновацию, а устаревшая находит наибольший интерес на полупериферии или периферии.

Третья проблема периферийной инновационности возникает, когда под давлением обстоятельств периферия начинает генерировать свои инновации, связанные с ревизией отстаиваемого ею традиционного начала. В этом случае она выступает как активный консервативный полюс, а не как пассивная консервативная периферия.

Четвертая проблема реорганизации центров и периферий состоит в том, что диффузия инноваций приводит к изменению всей системы центров и периферий в государстве или на какой-то его части. Прежние центры теряют свое значение, вместо них генерирование инноваций переходит к новым центрам, что свидетельствует о динамическом характере процесса.

Пятая проблема – статус инноваций, имеет много общего с проблемой точки отсчета центров и периферий. Инновация может иметь глобальный статус, зарождаясь в центрах мирового масштаба. В таком случае инновационное ядро такого государства выполняет функцию не генерирования, а ретрансляции заимствованных извне инноваций, т. е. выступает в качестве центра не первого порядка в системе каскадной диффузии. Поэтому следует различать подлинное генерирование и ретрансляцию инноваций. Необходимо отметить, что возможны инновации любого уровня (национальные, региональные, местные), и в каждом случае инновационное ядро будет определяться с поправкой на пространственный уровень исследования.

С позиции американского политолога А. Лейпхарта, в рамках инновационного подхода не стоит использовать понятие

«периферия», так как это уничижает территорию и незаслуженно подчеркивает ее вторичность и зависимость⁴⁰.

В основе подхода Лейпхарта в региональном исследовании лежат два полюса: *инновационный полюс*, характеризующийся наличием адаптивной территории (периферии), которая принимает инновации, и *консервативный полюс*, где территория (дальняя периферия) основана на традициях. Консервативная периферия не находится под прямым воздействием инновационного центра, следовательно, нет оснований называть территорию периферией относительно центра, с которым она практически не контактирует.

Поляризация пространства проходит по линиям инновационного и консервативного полюсов. Каждый полюс имеет свою собственную характеристику. Инновационный полюс активен и проводит внешнюю экспансию, а потому приобретает (подчиняет) себе периферию. Консервативный полюс энергичен, но обычно пассивен и замкнут в себе. Он имеет в своей основе контрядро, которое придерживается консервативных традиций. Стремясь сохранить традиции, полюс сопротивляется инновациям.

Основу инновационного подхода Лейпхарта составляет концепция модели «центр–периферия» в качестве средства описания и моделирования, но она не подходит для изучения обществ с региональными и культурными противоречиями. Инновационный подход основывается на том, что трансформация в политическом пространстве проходит за счет инновационных и коммуникативных процессов, зарождающихся в центре.

В рамках управленческого подхода развивалась вторая модель отношений «центр–периферия», непосредственно связанная с политическими отношениями. Здесь отметим теорию американского социолога Э. Шилза⁴¹. По его теории, центр возникает в результате пространственной концентрации процесса принятия политических решений. Он рассматривается как субъект, обладающий властными полномочиями формирующий в обществе центральную систему ценностей. Периферия носит социально-политический характер, состоит из таких слоев или секторов общества, которые воспринимают распоряжения и убеждения,

⁴⁰ *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование. М.: Аспект-пресс, 1997. С. 55.

⁴¹ *Shils E.* Centre and periphery in The Logic of Personal Knowledge: Essays Presented to Michael Polanyi. Routledge & Kegan Paul, 1961. P. 117–130.

выработанные центром. Следовательно, чем более периферийное положение занимает территория, тем ниже ее влияние. Из периферии могут зародиться самостоятельные центры. В этом случае периферийные элиты пытаются вести себя независимо от проблем центральной элиты и самостоятельно определяют свои проблемы, проявляя обособленность. Так происходит в случае, когда самые отдаленные от центра окраины периферии остаются вне досягаемости центра. Это отдаленные зоны периферии, где проживает большая часть населения и которые имеют свои собственные относительно независимые центры.

Э. Шилз выделяет модель «центр–периферия» в обществе, где центр и периферия по территории не отдалены друг от друга. К таковым можно отнести традиционные общества, например африканские. В традиционных обществах управляющие и управляемые разделены между собой, но всех связывает сильное чувство близости и привязанности. При всей парадоксальности ситуации, подобное взаимодействие управляющих и управляемых (элит и масс), слабая расчлененность ядра и периферии, т. е. управляющих (элит) и управляемых (масс), существует в современных обществах, где взаимодействие руководящих элит и рядовых граждан осуществляется через представительные институты. При этом у рядовых граждан присутствует ощущение приблизительного равенства.

Управленческий подход основан на политическом взаимодействии между центральными и региональными властями и выражен в отношениях между управляющими (элита) и управляемыми (рядовые граждане). Этот подход связан с административной иерархией, под центрами понимаются столицы разного уровня и статуса. В рассматриваемом подходе центром является субъект, который обладает властными полномочиями, где правящая элита дает периферии указания, что определяет ее положение как объекта подчинения.

Рассмотрение ряда подходов позволило нам определить и классифицировать следующие модели региональных отношений «центр–периферия» в структуре политического пространства России.

1. *Социально-экономическая модель.* Отношения «центр–периферия» выстраиваются между развитыми перспективными регионами и регионами, резко уступающими в развитии. Первые играют роль центра, а вторые – периферии. Таким образом задается система «регион–центр» – «регион–периферия», имеющая два уровня. Региональные отношения основаны на сотрудничестве

и поддержке с целью выравнивания темпов роста и улучшения социально-экономической ситуации отсталых регионов.

2. *Инновационная модель.* Это более сложная, трехуровневая региональная система, которая включает: более развитые регионы – это главные центры (обычно фокусы роста и развития, очаги инноваций), развивающиеся регионы – центры второго порядка (полупериферия), отсталые регионы – это периферия разных уровней. Полупериферия характеризуется смещением центральных и периферийных функций со средними значениями основных индикаторов социально-экономического развития. Она находится на более высоком уровне иерархии, чем периферия, и может иметь довольно сильные конкурентные позиции. Инновационная модель в региональной системе государства формирует достаточно устойчивую систему «центр–периферия», внутри которой перемещаются инновации, формируя импульсы развития в регионах. Система «центр–периферия» отдельных регионов в инновационной модели мобильна и весьма чувствительна к изменениям социально-экономической ситуации, складывающейся как во внутренней, так и во внешней среде регионов, которая объединяет территории одного или нескольких регионов более высокого уровня иерархии. Процесс развития системы «центр–периферия» имеет ряд закономерностей, включая определяющую роль полупериферии как наименее стабильного звена. Его развитие стимулирует развитие центра, в том числе посредством конкурентных вызовов, и приводит к развитию структуры и функций периферии, для которой полупериферия служит посредником в этом процессе.

3. *Политико-управленческая модель.* Здесь задана трехуровневая региональная система «центр–периферия», в которой содержатся следующие элементы: центр (развитые регионы), полупериферия (слабые регионы), остальные административные образования (город), играющие роль периферии. В России полуперифериями могут выступать населенные пункты и единицы административно-территориального деления, взаимодействующие друг с другом и находящиеся на разных уровнях иерархии. В этой модели акцент делается на систему с иерархическим властным построением отношений, всегда имеется более развитое ядро (центр) и тесно связанная с ним периферия.

В рамках исследования, принимая во внимание большую территорию Российской Федерации, нельзя не затронуть региональные пространственные системы, которые выстраиваются благодаря федеральным округам. Они выступают территориально-пространственными пределами, в административных границах

которых структурные подразделения центральных аппаратов федеральных государственных органов, образованные на уровне округа, реализуют принадлежащие им полномочия. Каждый федеральный округ представляет собой целостность и является одновременно частью целого политического пространства России.

В настоящее время в Российской Федерации учреждено восемь федеральных округов (Центральный, Южный, Северо-Западный, Дальневосточный, Сибирский, Уральский, Приволжский, Северо-Кавказский). В сущности, система федеральных округов является инструментом федерального регулирования территориального развития. Согласимся с мнением большинства авторов, что создание федеральных округов – это один из административных способов поиска форм и методов управления федерализмом в России при многосубъектности и асимметричности регионов для укрепления федерального центра и вертикали власти.

Региональные пространственные системы, несмотря на известную инерционность, довольно подвижны как на уровне всей системы федеральных округов, так и на уровне отдельного федерального округа.

С точки зрения политико-территориального устройства, создание федеративных округов видится в необходимости территориального приближения федеральной власти к субъектам федерации, осуществления центральной и региональной связи на основе расчленения центр-периферийных отношений.

Подчеркнем, что структура политического пространства строится на взаимоотношениях центра и периферии, а основная форма их отношений на самых разных пространственных уровнях – взаимозависимость. Режимные стратегии в центре, система центр-периферийных отношений и структура субнациональной политики составляют единое поле социально-политической трансформации российского общества.

В целом исследование отношений «центр–периферия» показало, что во внутристрановом политическом пространстве России выстраиваются звенья структурных элементов, представленные в виде: «центр–федеральный округ», «федеральный округ–регион», «центр–регион», «регион–регион», «центр–федеральный округ–регион», «федеральный округ–федеральный округ», где все субъекты взаимодействия выстраивают отношения по определенной модели. Двусторонние и многосторонние связи между регионами России создают многочисленные подвижные субнациональные границы.

Субнациональные границы

Субнациональные границы в авторском понимании представляют *фактическую линию, пролегающую в политическом геопространстве без проекции в физическом пространстве со своей спецификой построения*. Субнациональные границы представляют собой подвижное и размытое образование (переходную зону) в политическом пространстве, устанавливаются политическими субъектами в целях оптимизации управления территорией. Кроме того, учитывая неформальные практики, субнациональная граница впоследствии может приобрести официально правовой статус (де-юре) ввиду изменения границ субъектов РФ⁴².

Субнациональная граница является примером формальной политической границы. Политическая граница, по определению, разграничивает в пространстве политические явления, она может иметь официальный правовой статус, т. е. быть формальной границей. Во внутривнутристрановом измерении политико-территориальной структуры России происходит деление территории между субъектами федерации на политико-административные границы.

Образование субнациональной границы проходит три стадии: размещение, делимитация и демаркация. На стадии размещения устанавливается политический раздел территории между двумя субъектами. Выбор места проведения границы и ее определение происходит на стадии делимитации. Делимитация субнациональной границы должна быть высокой, поскольку это связано с политическими и экономическими отношениями субъектов федерации. Власти и экономические субъекты обладают всей необходимой информацией о точном месте прохождения границы, поскольку с этим связаны их юрисдикция и система землепользования. Демаркация – точное непосредственное обозначение линии прохождения политико-административной границы на местности. Стадия демаркации представляет собой процесс проведения и обозначения линии границы на местности, дополняемый соответствующим описанием в протоколах о демаркации границы. В связи с прозрачностью субнациональных границ государства регионы не считают необходимым проводить их демаркацию, как это делают в международных договорах.

Правовой статус границ субъекта федерации отличается от статуса государственной границы России, так как границы между

⁴² Цветкова О.В. Политическое пространство России: границы и пограничье. М.: Логос, 2015. С. 91.

субъектами признаются Российской Федерацией по состоянию на момент принятия федеральной Конституции, описываются и закрепляются в конституциях и уставах субъектов федерации или в иных правовых актах, согласно которым эти субъекты были образованы. Административный характер границ вытекает из содержания ч. 1 ст. 74 Конституции, запрещающей установление таможенных границ, пошлин, сборов и других препятствий для свободного перемещения товаров, услуг и финансовых средств. Изменение политико-административных границ между субъектами подлежит, как установлено ст. 102 Конституции, утверждению Советом Федерации.

Установление субнациональных границ связано с формой территориального устройства государства. При унитарной форме границы определяют и меняют центр, при этом мнение территории не учитывается или учитывается косвенно. При федеративной форме изменение границы может быть связано со специальными публичными процедурами, в которых участвуют региональные власти или население.

В административно-территориальном делении субнациональные границы могут совпадать или не совпадать с *границами этнокультурного и природного происхождения*. Такой феномен носит название *конгруэнтности границ*. В случае совпадения с культурными или природными разделами границу называют консеквентной, а в случае несовпадения – наложенной, или секущей. В отличие от международных границ межрегиональные границы не строятся на договорной или силовой концепции их проведения. Межрегиональные границы практически всегда можно условно признать силовыми, так как они проводятся центром и как бы навязываются региональным сообществам. В то же время не следует говорить о насильственном характере их проведения, так как обычно межрегиональные границы проводятся с учетом объективных факторов и не вызывают большого протеста. Договорными межрегиональные границы не являются, поскольку субъекты федерации не заключают между собой договоров по поводу их проведения. Вместе с тем, осуществляя свои полномочия, субъекты федерации не вправе придавать своим территориям особый статус и в одностороннем порядке изменять границы. В правовом отношении ч. 3 ст. 67 Конституции Российской Федерации устанавливает, что границы между субъектами федерации могут быть изменены с их взаимного согласия. Но это не означает, что субъекты изменяют свои границы без участия федеральных органов. В этом процессе участвуют три стороны: органы государ-

ственной власти двух субъектов (границы которых изменяются) и Совет Федерации.

При образовании нового субъекта федерации из территорий субъектов, являющихся составной частью территории России, государственная территория не изменяется, а происходит изменение административных границ между субъектами или установление новых границ.

В настоящее время наряду с официальными границами возникают *размытые, подвижные границы*, которые по-разному сказываются на различных сферах жизни общества. В концепциях границ в географической и политической мысли особая значимость придается перераспределению функций между границами разного уровня и типа под влиянием процессов глобализации и интеграции. Особое внимание уделяется системе границ с целью уйти от непроницаемых барьеров к линиям взаимодействия для формирования трансграничной пространственной системы, обеспечивающей безопасность границ. С этой целью государство должно способствовать развитию трансграничного сотрудничества на уровне региональных и местных властей, а центр – напрямую сотрудничеству с приграничными районами при помощи функций границ. Как известно, различаются функции контактные (связующие), фильтрующие (например, у таможенных границ) и барьерные (затрудняющие связь).

На внутристрановом уровне почти всегда есть административно-территориальное деление, которое включает формальные регионы (субъекты⁴³), предусмотренные действующим законодательством. Формальные регионы имеют субнациональные границы, созданные с целью управления на данной территории⁴⁴.

Проведение эмпирического исследования субнациональных границ регионов во внутристрановом измерении России предполагает: во-первых, изучение истории становления субнациональных границ на разных исторических этапах; во-вторых, определение принципов проведения и корректировки субнацио-

⁴³ Отметим, понятия «регион» и «субъект» являются синонимами в российской политической терминологии.

⁴⁴ По Дж. Прескотту, административная граница проводится политическими субъектами с целью более удобного управления территорией. При проведении такой границы ставится задача создать эффективное для управления деление территории государства на части (административные единицы) (*Prescott J., Schofield C. The maritime political boundaries of the world. 2nd ed. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff, 2005. P. 32.*)

нальных границ; в-третьих, рассмотрение формальных правил и неформальной практики изменения субнациональных границ в современной политико-территориальной структуре России.

На уровне нашей исследовательской гипотезы предполагается, что становление субнациональных границ регионов происходит в результате воздействия системных факторов различного происхождения. В данной работе необходимо исследовать: историческую устойчивость (давность)⁴⁵ различных участков границ, типологию границ (старые и новые границы), степень контактности границ (открытые и закрытые), эфемерность (непродолжительное существование) границ, укрупнение и разукрупнение территориально-административных единиц (регионов).

Главным количественным индикатором измерения субнациональных границ является увеличение или уменьшение числа административно-территориальных единиц (регионов). Изменения, происходящие с субнациональными границами, связаны с процессами укрупнения (объединение мелких единиц в более крупные) и разукрупнения самих административно-территориальных единиц, присоединения или отсечения участков территорий одного региона под управление другого субъекта РФ.

В конкретных условиях при становлении границы учитываются один либо несколько факторов. С течением времени их значимость может изменяться, и тогда начинают развиваться процессы, дестабилизирующие ситуацию в приграничном районе.

Выводы

1. Субнациональные границы представляют собой границы, проводимые политическими субъектами для управления территориальными частями – административными единицами.

⁴⁵ Концепция исторической давности границы в приграничной зоне рассматривается в работах Дж.Р. Прескотта (*Prescott J.R. The Geography of Frontiers and Boundaries. L., 1965*). А.Г. Гранберг предлагает типологию границ, учитывая временную давность границы. В культурной географии концепцию устойчивости границ или исторической зрелости развивают В.Н. Колосов, Р.Ф. Туровский (*Колосов В.А., Туровский Р.Ф. Типология новых российских границ // Изв. РАН. Сер. «Географическая». 1999. № 5. С. 40–48*). В отечественной географии концепцию эфемерности и конфигурации сети АД развивает С.А. Тархов.

Субнациональная граница создана для управления потоками информации, где основная задача заключается в эффективном управлении политическими процессами на территории субъектов федерации.

2. Следует обращать внимание на изменение субнациональных границ, представляющих собой основу внутристрановой национальной безопасности, поскольку именно они порой более выражено представляют интересы национальной безопасности государства и народа в целом.

3. Субнациональное политическое пространство Российской Федерации не является неизменным. Время от времени в силу определенных политических причин оно трансформируется. Отсутствие в Российской Федерации должной концепции или стратегии территориального развития региональной системы страны обуславливает актуальность данной темы.

Глава 2

Трансформация субнационального политического пространства Кавказского региона

Трансформация субнационального политического пространства в многонациональной стране как Россия может иметь необратимые последствия и угрожать стабильной политической обстановке. Учитывая национально-территориальный принцип административного деления при моделировании субнациональных границ в политическом пространстве Российской Федерации необходимо обратить внимание в первую очередь на ликвидацию межнациональных противоречий. Необходимо четко понимать последствия моделирования субнациональных границ субъектов Российской Федерации. Изменения во внутривнутристрановом измерении могут привести к территориальным спорам и кровопролитным конфликтам и в результате к угрозе территориальной целостности Российской Федерации. История показывает массу примеров территориальных размежеваний, которые привели к конфликтам на территории Приднестровья, Южной Осетии, Абхазии, Северной Осетии и Ингушетии, Чечни и Ставропольского края. В настоящее время перед обществом, политическими элитами и экспертным сообществом стоит острая задача – обеспечение безопасности и правомерности решения вопроса об изменении границ субъектов РФ.

Технологии изменения территориального устройства должны применяться только в рамках Конституции РФ и служить средством обеспечения стабильности, где в первую очередь учитываются интересы каждого гражданина РФ. В проекте новой стратегии национальной политики РФ особое внимание уделено задачам по обеспечению межнационального мира и согласия, гармонизации межэтнических отношений в субъектах РФ⁴⁶.

⁴⁶ Указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения 22.12.2021).

По мнению российского политического деятеля В.Ю. Зорина, реализация государственной национальной политики по ряду направлений нуждается в модернизации, особенно в сфере мониторинга и прогнозирования состояния межэтнических отношений, а также оперативного реагирования на рост межэтнической и межконфессиональной напряженности. Одной из причин выступает отсутствие полномочий у органов исполнительной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления в сфере реализации государственной национальной политики, как следствие, недостаточное внимание региональных и местных властей к межэтническим отношениям на подведомственной территории⁴⁷.

На постсоветском пространстве возник Кавказский регион с набором специфических географических и пространственно-территориальных особенностей. Кавказский регион отличается как по разнообразию естественно-географических условий, так и по многонациональному поликонфессиональному составу населения⁴⁸.

Особенностью Кавказского региона является то, что на территории проживает многоэтнический состав населения, где традиционно происходит контакт различных культур и ярко выражена территориальная идентичность. Более того, отдельно взятые субъекты РФ (национальные республики) столкнулись с территориальными спорами и конфликтами по вопросам изменения их субнациональных границ.

Северный Кавказ имеет особое геополитическое положение. На протяжении XX в. на Северном Кавказе отмечено более сорока территориальных переделов. Каждый из них, решая одну проблему, одновременно порождал другую. Изменения в этно-территориальном устройстве осуществлялись как в горизонтальном срезе (изменение границ), так и в вертикальном (изменение статуса национально-территориальных образований). Особенно с распадом СССР наметилась тенденция к политизации этнонациональных отношений, когда этническая самоидентификация

⁴⁷ Зорин В.Ю. Государственная национальная политика в России на современном этапе // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: к 70-летию академика В.А. Тишкова / Сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2011. С. 250.

⁴⁸ Гаджиев К.С. Кавказский узел в геополитических приоритетах России / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. М.: Логос, 2010. С. 105.

большинства народов России приобрела более или менее выраженный политический характер⁴⁹.

Особо актуален поиск возможностей адекватного реагирования на все вызовы, для чего необходимо провести анализ географических, исторических и геополитических особенностей Северного Кавказа.

Геополитическая особенность Северного Кавказа

Кавказ рассматривается как один из важнейших геостратегических регионов. В геополитическом отношении Кавказский регион разделен на две части: Северный Кавказ и Закавказье. Северный Кавказ входит в состав Российской Федерации и включает Предкавказье (Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский края) и республики Адыгею, Дагестан, Ингушетию, Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию, Северную Осетию и Чечню.

Территория Закавказья расчленена на три самостоятельных национальных государства – Армения, Азербайджан, Грузия. При этом следует обозначить, что Кавказский регион насыщен не только государственными, но и субнациональными границами.

В соответствии с серьезными геополитическими изменениями на современном этапе остро стоит вопрос защищенности государственных границ между Россией и Закавказьем (особенно в российско-грузинских взаимоотношениях). Модель политического поведения России на Южном Кавказе до середины 1990-х гг. выстраивалась по вектору всеми возможными способами удержать доминирующее положение. Именно в этот период были заложены основы отношений, которые являются препятствием на пути проведения сегодня эффективной и сбалансированной политики на Южном Кавказе.

К внешним геополитическим региональным факторам относятся: тенденции формирования региона Южного Кавказа и сложные взаимоотношения трех основных государств; субъекты международных отношений, прежде всего США, которые испытывают интерес к Северо-Кавказскому региону, а также к разным этническим группам, проживающим в СКФО; усиленный

⁴⁹ *Гаджиев К.С.* Национализм в роли идеологии // *Власть.* 2012. № 11. С. 7.

интерес к региону со стороны НАТО. Стратегический контроль над Кавказом обеспечил бы оперативный выход США в регионы Центральной Азии.

К внутренним геополитическим региональным факторам, которые влияют на политику России в двусторонних и многосторонних отношениях, относятся: разный уровень развития демократии во всех трех государствах зоны Южного Кавказа; разнонаправленные политические интересы и разная шкала угроз и рисков; конфликт между жизненными интересами основных действующих лиц, к которым нужно отнести три де-юре признанные и три де-юре непризнанные республики этого пространства (в частности, есть конфликт интересов Азербайджана, с одной стороны, и Нагорного Карабаха и Армении – с другой; Грузии и Абхазии, Грузии и Южной Осетии); диаметрально разные подходы государств Южного Кавказа к проблеме урегулирования трех этнополитических конфликтов региона.

Солитаризируясь с позицией К.С. Гаджиева, автор считает, что России необходимо сохранять свою территориальную целостность в Кавказском регионе, так как именно России принадлежит ключевая роль в обеспечении целостности, безопасности и стабильности на постсоветском пространстве. Геополитическое положение России на южном и восточном направлениях ухудшилось по причине социальной и политической нестабильности, появления вооруженных конфликтов по территориальным притязаниям в Центральной Азии и на Южном Кавказе.

Особо остро геополитическая тенденция проявилась в 90-е гг. XX в. в стремлении к созданию мононациональных форм государственного устройства и попытках освободиться от влияния федерального центра (яркий пример намерения Чечни выйти из состава Российской Федерации).

Известный отечественный этнолог В.А. Тишков считает, что давнее наличие на Северном Кавказе этнотерриториальных автономий в форме республик-субъектов РФ во многом определяет не только административно-государственное устройство и систему управления регионом, но и влияет на политику и на науку, а также на культуру и морально-ценностные установки населения федерального округа. С одной стороны, само существование республик как формы внутреннего самоопределения местных этнических сообществ обеспечивает условия для этнокультурного развития и сохранения идентичности проживающих в регионе народов, так же, как и Ставрополье обеспечивает сохранение и воспроизводство русской культуры и самосознания преобладающего в Ставропольском

крае русского населения, не утратив при этом местной казачьей социокультурной традиции. С другой стороны, восприятие республик как «национальных» ведет к ужесточению межгрупповых границ в рамках российского народа, к этнокультурной замкнутости и попыткам выстраивания иерархии народов в зависимости от степени их «древности» и исторических заслуг.

Тема наиболее оптимального устройства Кавказского региона, с точки зрения государственно-административного статуса и субнациональных границ, стала острой в последние два десятилетия. При этом среди экспертов, зачастую, преобладает увлечение давними историческими аргументами, жесткими привязками территории к этническим сообществам, стремление придать территориям «моноэтнический» характер, а также неприятие поликультурности как «фактора риска»⁵⁰.

Таким образом, создание национально-территориальных образований (союзных автономных республик и областей) в 1920–1930-х гг., постоянные их реорганизации на протяжении советского периода спровоцировали претензии одних этнических групп к другим, что в последствии привело к этнотерриториальным конфликтам. Угроза и риски стабильности сохраняются во всем регионе до сих пор. Социально-политическая ситуация на Северном Кавказе демонстрирует признаки дестабилизации. Этноклановая система власти в национальных республиках порождает недоверие населения и ведет к этническому обособлению. Малочисленные народы с согласия официальной власти создали свои органы управления, национальные муниципальные образования, что привело к дроблению населения Северного Кавказа по национально-территориальному признаку, культивируя очаги этнической напряженности. Национально-территориальные образования на Северном Кавказе становятся источником затяжно-го этнотерриториального конфликта.

Северный Кавказ в связи с геополитическим положением при любых отношениях всегда будет вовлечен в масштабные межнациональные и политические противоречия (например, 1990-е гг., отношения между государствами Закавказья и Российской Федерации). На Южном Кавказе процесс дезинтеграции сопровождался, помимо общих для постсоветского пространства

⁵⁰ Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе [Текст]: Экспертный доклад / Под ред. В.В. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН; Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2013. С. 4–5.

проблем, кровопролитными этнополитическими конфликтами, участниками которых стали все три республики. Негативную роль играют геополитические соперники России – это Турция, Иран, Саудовская Аравия, которые преследуют цель геополитических лидеров в восточной части. В восточный культурный пласт вовлекается население Северного Кавказа, где прежде всего лоббируются интересы традиционных центров мусульманской культуры.

Географические особенности Северного Кавказа

На практике исследователи физической и экономической географии предлагают различные варианты районирования территории Северного Кавказа. Физико-географы выделяют две предгорных зональных области, относящиеся к Русской равнине (Западное и Среднее Предкавказье) и Среднеазиатской равнинной стране (Терско-Кумская низменность)⁵¹.

В понимании экономико-географов Северный Кавказ представляет территорию Северо-Кавказского экономического района в составе Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев и семи республик (Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария, Северная Осетия – Алания, Ингушетия, Чечня и Дагестан). Однако особо оговаривается неоднозначность такого состава и другие варианты проведения границ: проведение границы между Северным Кавказом и Закавказьем по Скалистому хребту Большого Кавказа (в физической географии), включение в состав Северо-Кавказского района Калмыкии или невключение Ростовской области⁵².

Исторические особенности Северного Кавказа

Рассмотрим по историческим периодам национально-территориальное строительство Северного Кавказа. Процесс административного освоения Северного Кавказа начался на рубеже

⁵¹ *Гвоздецкий Н.А.* Физико-географическое районирование Северного Кавказа // Природное районирование и вопросы охраны природы: Межвуз. сб. Уфа: Башкир, ун-т, 1980. С. 13–27.

⁵² *Белозеров В.С.* Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. С. 7.

XVIII–XIX вв., когда к Российской империи была присоединена значительная часть территории региона. В его пределах проживали народы, чье этническое и конфессиональное разнообразие находило отражение в существовании множества политических образований самого различного характера. Поиск эффективных форм управления новоприобретенной окраиной изначально был тесно связан с военными мероприятиями, породившими такие формы управления регионом, как кордонные линии и приставства. По мере замирения края происходило обращение империи к местным управленческим практикам, результатом чего становится учреждение Кавказского наместничества и народно-военного управления. В административно-территориальном управлении намечались новые тенденции. Наряду с рассредоточением функций управления по отдельным министерствам начались территориальные изменения границ внутри наместничества. Максимальное дробление территории должно было обеспечить большую эффективность управления. С упразднением наместничества Кавказа в отношении отдельных групп населения, в частности горского, были приняты репрессивные меры. В своих основных чертах новая административная система управления Кавказом просуществовала до 1905 г. Субнациональные границы региона в основном оставались прежними.

В советский период прослеживаются интеграционные процессы в регионе, при которых учитывалась специфика и особенность местного населения. Различия во времени и способах присоединения отдельных территорий Северного Кавказа к России предопределили и различные модели управления регионом, что в свою очередь сводилось к регионалистскому подходу.

Новый этап в развитии административно-территориально-го строительства Северного Кавказа относится к февралю 1917 г., когда была упразднена старая структура управления краем, что привело к различным формам политической активности северокавказского народа. Национально-государственное строительство 1920-х гг. не только реализовало право народов на самоопределение, но и обозначило проблему экономической состоятельности создаваемых национальных автономий. Административно-территориальные преобразования 1920–1930-х гг. привели к частым изменениям статуса автономий.

Следующий этап преобразований относится к 1940–1950-м гг. В данный период произошли серьезные изменения в административно-территориальной системе Северного Кавказа, в основном наблюдались процессы депортации (принудительное переселение

народов Северного Кавказа), что привело к упразднению национальных автономий. В результате с политико-административной карты исчезли созданные в 1920–1930-е гг. национально-государственные образования, статус которых официально закрепляли действовавшие законодательные акты Конституции СССР 1936 г. и Конституция РСФСР 1937 г. После 1953 г. упраздненные национальные автономии были восстановлены. В то же время новые субнациональные границы закрепили многочисленные этнополитические противоречия, ставшие поводом для размежевания и будущих конфликтов.

В 1950-х гг. в системе административно-территориального деления Северного Кавказа не происходило кардинальных изменений, за исключением вхождения в состав Адыгейской АО территории Тульского района из Краснодарского края. Изменение субнациональных границ не вызывало серьезных разногласий, поскольку сама Адыгейская АО входила в состав Краснодарского края.

В 1960–1980-е гг. не раз происходили интенсивные преобразования на муниципальном уровне в связи с укрупнением, разделением и ликвидацией отдельных административных образований. Однако все эти преобразования не меняли принципов и основных форм, сложившихся субнациональных границ.

Со второй половины 1950-х и до 1980-х гг. административно-территориальная система и субнациональные границы не подвергались изменениям, корректировка присутствовала лишь на муниципальном уровне. Причиной административно-территориальных конфликтов послужило восстановление ликвидированных автономий депортированных народов. Исследователи прямо связывают негативные явления в сфере межнациональных отношений и причины межнациональных конфликтов на территории Российской Федерации последних десятилетий с национальной политикой, осуществлявшейся в условиях «социалистического эксперимента»⁵³.

Кризис в административно-территориальной системе Северного Кавказа произошел на рубеже 1980–1990-х гг. и был вызван резким ухудшением социально-экономической и этнополитической ситуации в стране и распадом СССР. Все это

⁵³ Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона / Т.П. Хлынина, Е.Ф. Кринко, А.Г. Урушадзе; Юж. науч. центр РАН; Ин-т соц.-экон. и гуманит. исслед. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2012. 271 с.

способствовало росту национального самосознания и повышению статуса ряда субъектов (выходу автономных областей из состава краев, преобразованию автономных областей и республик – в республики в составе Российской Федерации). Принятые в них нормативно-правовые акты закрепляли суверенитет данных государственных образований. Однако рассматриваемые тенденции вызвали серьезные опасения у представителей ряда «нетитульных» народов, полагавших, что в новых условиях они могут подвергнуться дискриминации. Наиболее радикальные формы протеста выразились в требованиях их выхода из состава новых республик и создания собственных государственных образований (республик). Так, балкарцы и кабардинцы стали требовать раздела Кабардино-Балкарии на два субъекта⁵⁴. Позже было объявлено о национальном суверенитете балкарского народа и создании самостоятельной балкарской республики. О создании собственных автономных областей, а затем и республик в составе СССР и РСФСР заявляли карачаевцы и черкесы, абазинцы и ногайцы, а также терские казаки, провозгласившие Баталпашинскую и Зеленчукско-Урупскую казачью Советскую Социалистическую республику, а затем Верхне-Кубанскую казачью республику в 1991 г. Российское руководство уже было готово признать разделение Карачаево-Черкесии, о чем свидетельствует создание комиссии Верховного Совета РСФСР по образованию Карачаевской, Черкесской, Баталпашинской автономных областей и проведение референдума по данному вопросу в 1992 г. Однако по официальным результатам большинство населения республики высказалось против разделения. Выдвигались также предложения о создании «национально-государственного образования ногайцев и терского казачества» в статусе республики в составе РСФСР, Черкесско-Абазинской и Ногайско-Абазинской республик.

Проблема актуализировалась в 1990-е гг. в Чечне. Чеченская Республика Ичкерия фактически стала независимым, хоть и не признанным международным сообществом образованием. После боевых действий в 2003 г. была принята Конституция, провозгласившая Чеченскую Республику субъектом Российской Федерации. Кроме того, в других субъектах России на Северном Кавказе из конституционных актов республик исчезли положения об их суверенитете.

⁵⁴ *Казенин К.* «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. М.: REGNUM, 2009. С. 64.

В условиях ослабления влияния федерального центра в 1990-е гг. социально-экономическая ситуация во многих субъектах Северного Кавказа была крайне тяжелой. Усугубил ситуацию ряд межэтнических конфликтов, нередко сопровождавшихся территориальными спорами. При этом следует обозначить, что возникновению территориальных конфликтов способствовало принятие Закона «О реабилитации репрессированных народов»⁵⁵.

Итак, исторический анализ административно-территориального строительства Северного Кавказа показал, что на трансформацию субнационального политического пространства данного региона повлияла целая система внутренних особенностей.

Межнациональные противоречия на Северном Кавказе в отношении субнациональных границ субъектов РФ

Межнациональное напряжение на Северном Кавказе явно взаимосвязано с грузино-осетинским (1989–1992 гг.), грузино-абхазским (1992–1993 гг.) и армяно-азербайджанским («карабахским», 1988–1991 гг.) конфликтами и войнами. Причина связи в том, что в Закавказье проживают малочисленные народы (лезгины, аварцы, осетины) представители титульных наций Северного Кавказа. При притеснении в Азербайджане лезгин и аварцев, осетин в Южной Осетии всегда будет вызывать недовольство у титульных наций северокавказского народа. В межнациональных отношениях развивается также проблема вытеснения русских и русскоязычных из республик Северного Кавказа. Проблемы, связанные с безработицей, кризисными явлениями в сфере экономики и деятельностью экстремистских групп и организаций, заставляет русскоязычное население покидать территорию Северокавказских республик. В регионе продолжают расхождения двух культур – русской православной и мусульманской, что приводит к корректировкам общественной и духовно-нравственной жизни региона.

Одним из основных является процесс административно-территориального размежевания народов Кавказского региона. Основная трудность заключается в определении субнациональных

⁵⁵ Закон РСФСР от 26 апреля 1991 года № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов» URL: <http://base.garant.ru/10200365/> (дата обращения 22.12.2021).

границ национальных автономий и сопряженные с ними территориальные конфликты. Особо подчеркивается и то обстоятельство, что принцип национального самоопределения, принявший на практике форму размежевания края на территории с более или менее однородным этническим составом населения, затруднял экономическое развитие самих автономий. Поэтому на территории края были образованы Горская республика и Северо-Кавказский регион⁵⁶. На юго-востоке страны разногласия обострились при установлении границ между государственными образованиями. Если одни из них рассматривались в спокойной обстановке, другие – доходили до острых споров, заканчивавшихся военными столкновениями.

Неопределенность субнациональных границ субъектов РФ имеет особое значение во внутреннем геополитическом пространстве Северного Кавказа. Отметим, границы Кавказского пограничного региона представляют собой специфический случай. Границы с бывшими республиками СССР, ныне независимыми государствами, не обладают естественным, историческим и этноареальным пределом. Особо значимо, что государственные границы Российской Федерации, совпадающие с субнациональными границами субъектов РФ в данном регионе не демаркированы, что дает основания для новых территориальных конфликтов в отношении территории (например, претендент 2008 года со стороны Грузинской республики в отношении Республики Южная Осетия).

Особенностью Кавказского региона является то, что именно условные границы соединяют его с Азербайджаном и Грузией. Основные проблемы по демаркации границ связаны с этносами данной территории, которые оказались разделенными государственной границей, что разжигает этнотерриториальные конфликты в этом регионе.

В данном контексте особое внимание следует уделить осетино-ингушскому конфликту, по причине того, что это – внутренний территориальный конфликт, возникший между субъектами РФ по вопросу восстановления территориальных прав депортированных народов и прохождения субнациональных границ субъектов РФ.

Осетино-ингушский конфликт осени 1992 г. стал самой острой фазой давно назревавшей и неразрешенной по сей день конфронтации между двумя соседними северокавказскими

⁵⁶ *Тютюнина Е.С.* Административно-территориальное строительство на Северном Кавказе. 1917–1941 гг. Майкоп: Меоты, 1995. С. 203–204.

республиками – субъектами РФ – по поводу принадлежности Пригородного района и части Владикавказа. В целом это первый вооруженный внутренний территориальный конфликт.

По мнению этнолога В.А. Тишкова, «по своим пространственно-временным параметрам, интенсивности и последствиям этот конфликт может быть отнесен к категории крупномасштабных, а его природа может быть охарактеризована как глубоко-укоренившийся конфликт, к которому специалисты относят межэтнические или любые другие межгрупповые коллизии с трудноразрешимыми и далеко зашедшими претензиями и требованиями конфликтующих сторон»⁵⁷.

На разных этапах осетино-ингушского конфликта реализовывался определенный комплекс мер политического урегулирования со стороны федерального центра Российской Федерации, принимались меры, способствовавшие стабилизации межэтнического взаимодействия.

Представители противоборствующих сторон имели противоположные интересы и интерпретацию конфликтной ситуации. Ингушское руководство и политическая элита охарактеризовали происшедшие события в 1992 г., как «этническую чистку ингушей»⁵⁸. Осетинские политические деятели посчитали данные события 1992 г., как незаконное ингушское воинское формирование и агрессивное нападение на территорию Пригородного района СОАССР, в результате которой пытались незаконно отторгнуть спорные территории⁵⁹.

Противоположные оценки противоборствующих сторон способствовали вступлению правительства РФ в роль основного актора политического регулирования данного внутреннего территориального конфликта. Уже на начальной стадии поствооруженной фазы конфликта федеральным центром были намечены основные контуры политического управления осетино-ингушским конфликтом.

⁵⁷ *Тишков В.А.* Осетино-ингушский конфликт. Часть первая [Электронный ресурс]. URL: http://www.vvvay.net/publ/analitika/tishkov_v_a_osetino_ingushskij_konflikt_92_chast_pervaja/5-1-0-23 (дата обращения 22.12.2021).

⁵⁸ *Шнирельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое литературное обозрение, 2006. С. 47.

⁵⁹ *Федосова Е.В.* Республика Северная Осетия – Алания // Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром / Сост. И.Г. Костиков. М.: Макс Пресс, 2012. С. 9.

В период 1992–2000 гг. удалось провести структурные изменения, которые предполагали отход от асимметричности конфликта – это прежде всего создание легитимных органов власти в Республике Ингушетии, что повлекло за собой смену лидеров внутри ингушского этнического сообщества и придало действиям вновь избранной политической власти конституционно-правовой статус. Помимо этого, структурные изменения, инициированные системой политического управления конфликтом, запустили механизм конструктивного компромисса между сторонами конфликта.

Отметим, применяемые стратегии и технологии политического урегулирования конфликтной ситуации оказывают серьезное влияние на общий вектор развития всего внутреннего геополитического пространства кавказского пограничного региона.

По сути, причина возникновения территориальных конфликтов на внутристрановом уровне Российской Федерации – это прекращение существования Советского Союза. Каждый конфликт, возникший на постсоветском пространстве, имеет свою особую специфику, но в то же время и общую особенность – межнациональные отношения, которые в пограничных регионах оказывают колоссальное влияние на активизацию конфликтогенных факторов и появление новых вызовов и угроз территориальных размежеваний на постсоветском пространстве.

Безусловно, мы можем сделать вывод о том, что специфика территориальных конфликтов по вопросам субнациональных границ заключается в проблеме разделенных народов, что имеет большой конфликтогенный потенциал. Среди них можно выделить три группы. Первая группа это народы, разделенные административными границами союзных республик, ставших после распада СССР государственными. Вторая группа включает народы, оказавшиеся разделенными административными границами в результате политики массовых депортаций, перестроек этнических территорий, массовых миграций как в царской России, так и в советской. Третья группа представлена народами, которые подверглись разделению не территориальными границами, а культурно-цивилизационными, так как Кавказ все в большей степени превращается в зону цивилизационных разломов, что усиливает этнополитическую напряженность в регионе.

В результате мы можем констатировать, что самым распространенным явлением в России являются территориальные конфликты по вопросам изменения внутренних субнациональных границ субъектов РФ, связанные с этнополитическими

проблемами. Территориальные конфликты неизбежны, так в России достаточно на высоком уровне развит институт национально-территориальной автономии, где сильно размыты этнические границы.

Территориальные споры и конфликты в отношении субнациональных границ между субъектами РФ на Северном Кавказе, можно классифицировать по двум основным признакам:

- 1) стремление населения территории спорного участка выйти из состава национально-территориальной автономии;
- 2) стремление населения территории спорного участка присоединить к своей территории районы, где проживает титульное население.

На Северном Кавказе особо актуальны вопросы межнациональных отношений и национальной безопасности. Многоплановость поставленной проблемы предполагает охват в рамках данного исследования вопроса рассмотрения современных территориальных конфликтов и споров. События последнего времени наглядно демонстрируют ряд требований об изменении субнациональных границ субъектов РФ или выходе того или иного административного образования или этнической группы из состава субъектов Северного Кавказа. Например, протест против выхода Адыгеи из Краснодарского края в связи с провозглашением ее республикой выразился в возникновении требования о переходе Майкопского района с преимущественно русским населением «назад» в Краснодарский край. Впоследствии обсуждался вопрос о возможности изменения субнациональных границ и присоединения Республики Адыгея к Краснодарскому краю, что вызвало резко негативную оценку республиканского руководства. Кроме того, поднимался вопрос и об образовании Абазинского административного района в составе Ставропольского края.

При этом важно заметить, что политика федерального центра направлена на консервацию субнациональных границ субъектов Кавказского региона, так как изменения повлекут за собой эскалацию насилия. В результате некоторые национальные движения нашли способ достичь своих требований в рамках действующей административно-территориальной системы. Так например, в составе Карачаево-Черкесской Республики появились Абазинский (в 2006 г.) и Ногайский (в 2007 г.) районы.

На сегодняшний день обострение межнациональных отношений связано с переделом субнационального пограничья между Чечней и Ингушетией. Исходя из ситуации в Кавказском регионе,

определенные проблемы порождает отсутствие демаркационной линии субнациональной границы между Чеченской Республикой и Республикой Ингушетия (разногласия по Сунженскому району). По мнению автора, территориальный конфликт между Чечней и Ингушетией – это опасный и непредсказуемый территориальный спор по причине некорректного проведения субнациональной границы между субъектами РФ.

Итак, учитывая внутреннее геополитическое положение Северного Кавказа, необходимо актуализировать ценности «стабильности» с преобладанием межкультурной коммуникацией. Создать территориальную систему мониторинга, разработать индикаторы и показатели эффективности реализации стратегии государственной территориальной политики, оценивая по ним ситуацию в каждом субъекте Кавказского региона.

На современном этапе социально-политического обустройства перед руководством республик Кавказского региона стоит задача изменения сложной этнополитической ситуации, сложившейся за последние двадцать лет. В современных условиях стало приемлемым апеллировать к различного рода инструментам, как то: авторитет, право, воля и принуждение. Управленческая элита республик находится в поиске ресурсов и механизма реализации принимаемых решений, касающихся межнациональных отношений, а этнонациональные аспекты определяют конфликтогенную ситуацию в регионе.

В настоящее время в отношении трансформации субнационального политического пространства наблюдается тенденция федерального центра установить межнациональное благополучие на Северном Кавказе. Правительство РФ прилагает усилия для создания дружественного пояса государств в Закавказье, где не было бы общественно-политической напряженности и территориальных конфликтов, особенно на территории субнационального пограничья.

Выводы

1. Каждый территориальный спор и конфликт имеет свой специфичный набор структурных компонентов. Территориальные конфликты на Северном Кавказе складываются из конфликтогенных факторов, к которым относятся: снижение социальной статусности русского населения и развитие моноэтнизации населения в каждом отдельном субъекте СКФО; влияние на тер-

риториальные споры и конфликты возвращения в республики «нетитульного» населения и слабое обеспечение финансирования социальной инфраструктуры; гарантии безопасности.

2. Учитывая внутреннее геополитическое положение Кавказского региона, необходимо актуализировать ценности «стабильности» с преобладанием межкультурной коммуникации. Создать территориальную систему мониторинга, разработать индикаторы и показатели эффективности реализации стратегии государственной национальной политики, оценивая по ним ситуацию в каждом субъекте Кавказского региона.

Глава 3

Кавказский регион: этнотерриториальные конфликты и споры в горизонтальном срезе

Кавказ рассматривается как один из важнейших геостратегических регионов. В геополитическом отношении Кавказский регион разделен на две части: Северный Кавказ и Закавказье. Северный Кавказ входит в состав Российской Федерации и включает Предкавказье (Ростовская область, Ставропольский и Краснодарский края) и республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия, Северная Осетия и Чечня. Территория Закавказья расчленена на три самостоятельных национальных государства – Армения, Азербайджан, Грузия.

Кавказский регион представляет собой огромную многонациональную и многоконфессиональную территорию, где слились интересы многих ведущих государств мира. На Кавказе проживают малочисленные народы, которые имеют друг к другу претензии территориального характера, а межрегиональные конфликты подогреваются этническими противоречиями на данных территориях.

Северный Кавказ имеет чрезвычайно сложную и неоднородную внутреннюю политико-территориальную структуру. На его территории проживает многоэтнический состав населения, где традиционно происходит контакт различных культур и ярко выражена территориальная идентичность.

На протяжении XX в. на Северном Кавказе отмечено более сорока территориальных переделов. Каждый из них, решая одну проблему, одновременно порождал другую. Изменения в этнотерриториальном устройстве осуществлялись как в горизонтальном срезе (изменение границ), так и в вертикальном (изменение статуса национально-территориальных образований).

Региональные особенности Кавказского региона связаны с напряженными межнациональными отношениями. Это подтверждается конфликтами в Нагорном Карабахе, Южной Осетии и Абхазии, взаимоотношениями между Грузией и Россией, Азербайджаном и Арменией.

Территориальные конфликты и споры в Кавказском регионе актуализированы в связи с особенностями субнационального пограничья. К специфическим особенностям следует отнести: геополитическое положение субъекта РФ, межнациональные отношения, размытые этнические границы, наличие института национально-территориальной автономии.

В данной статье территориальные конфликты представляют собой столкновение сторон субъектов РФ по поводу размежевания территории, относительно изменения субнациональных границ, а также спор относительно прав населения проживать, владеть или распоряжаться данной территорией.

Внутристрановой территориальный конфликт характеризуется тремя элементами: участниками – субъектами РФ, наличием оспариваемой субнациональной границы и спорного территориального ареала, четким совпадением объекта и предмета территориального спора. В большинстве территориальных конфликтов присутствуют две стороны, однако возможны случаи, когда стороны увеличиваются по причине расположения спорного территориального участка, находящегося на стыке нескольких субнациональных границ субъектов РФ. Основания территориальных конфликтов разнообразны, среди них: улучшение геополитического положения с точки зрения расширения территории, стремление завладеть ресурсами территории.

В представлении автора территориальные споры основаны на изменениях субнациональных границ субъектов РФ путем мирного присоединения к другому административно-территориальному образованию (на правах субъекта РФ). Под территориальным спором подразумевается столкновение сторон по поводу принадлежности какого-либо территориального ареала. Данный конфликт носит более выраженный характер с применением силы конфликтующих сторон в отношении спорного вопроса.

Г. Козырев указывает на следующие типы конфликтов по признаку территории проживания и наличия или отсутствия государственных или административных границ:

- межгосударственные, региональные конфликты между этносами, разделенными административной границей в рамках единого государства (например, карабахский или осетинский в рамках СССР);
- конфликт между центром и регионом (например, грузино-абхазский и молдово-приднестровский конфликты);
- местные конфликты.

Классификация территориальных споров во многих источниках разделяется на два вида: спор о положение линии границы и спор о принадлежности определенного участка территории.

Северный Кавказ является многонациональным и многоконфессиональным регионом. Следовательно, территориальные конфликты и споры связаны с этнополитической составляющей. В то же время следует уточнить, не каждый территориальный конфликт является этническим. Этнический конфликт представляет спор между этническими общностями, т. е. этносами и этническими группами. Этнотерриториальный конфликт трактуется как притязания этнической общности на территорию и ее границы другой этнической группы. Причем данное территориальное притязание в основном носит острую форму противостояний и противоборств.

События последнего времени на Северном Кавказе наглядно демонстрируют ряд требований об изменении субнациональных границ субъектов РФ или выходе муниципального образования или этнической группы из состава субъектов Северного Кавказа. Например, протест против выхода Адыгеи из Краснодарского края в связи с провозглашением ее республикой выразился в возникновении требования о переходе Майкопского района с преимущественно русским населением «назад» в Краснодарский край. Впоследствии обсуждался вопрос о возможности изменения субнациональных границ и присоединения Республики Адыгеи к Краснодарскому краю, что вызвало резко негативную оценку республиканского руководства. Кроме того, поднимался вопрос и об образовании Абазинского административного района в составе Ставропольского края.

При этом важно заметить, что политика федерального центра направлена на консервацию субнациональных границ субъектов Кавказского региона, так как изменения повлекут за собой эскалацию насилия. В результате некоторые национальные движения нашли способ достичь своих требований в рамках действующей административно-территориальной системы. Так например, в составе Карачаево-Черкесской Республики в 2006 г. появился Абазинский район, а в 2007 г. – Ногайский.

Современная политическая практика в отношении территориальных конфликтов и споров по вопросам субнациональных границ субъектов РФ демонстрирует курс на укрепление государственности, что привело к системе федеральных округов.

В 2000 г. территория Северного Кавказа вместе с Нижним Поволжьем вошла в состав Южного федерального округа с цен-

тром в Ростове-на-Дону. Однако осознание неэффективности сложившейся системы управления и нарастание многочисленных этнополитических и социально-экономических проблем развития региона вызвали поиск новых форм административно-территориального устройства на Северном Кавказе. Следствием чего, собственно, появилось решение в 2010 г. об изменении системы федеральных округов. Был создан восьмой Северо-Кавказский федеральный округ с центром в Пятигорске, а глава был наделен особыми полномочиями. Данные преобразования позволяют судить о новых тенденциях в развитии региональной системы управления, попытках найти его более эффективные формы. Таким образом, Северный Кавказ на протяжении десяти лет уже дважды менял свою административную принадлежность.

Выделим конфликтогенные факторы и субнациональные конфликтные ареалы на Северном Кавказе.

Ставропольский край характеризуется высокой полиэтничностью, консервативным сознанием, тенденцией к территориальному обособлению по этническому признаку и тяготением к национально-культурному сегментированию. Конфликтогенность усилилась в 2010 г. в связи с выходом Ставропольского края из состава Южного федерального округа и вхождением в Северо-Кавказский федеральный округ.

В 2013 г. население Невинномысска Ставропольского края выступило с просьбой перехода из состава Северо-Кавказского округа в состав Южного федерального округа по причине высокой криминогенной обстановки в соседних национальных республиках.

На сегодняшний день между Ставропольским краем и республикой Дагестан наблюдается субнациональный спор по использованию земель (пастбищ) на востоке Ставропольского края переселенцами из Дагестана. Следует отметить, что внутренние субнациональные границы не имеют наглядного или внешнего проявления в пространстве (нелинейность границы), в связи с чем проблема породившая конфликт не нашла своего разрешения. На данном этапе спор удастся сдерживать на уровне «конфликта элит». Данное противостояние пока не перешло в масштабный этнический конфликт, хотя есть все предпосылки для этого в дальнейшем, так как проблема использования пастбищ на востоке Ставропольского края конфликтогенна и носит межэтнический характер.

Этнотерриториальные проблемы на уровне республики возникли в Карачаево-Черкесии по вопросу несправедливого

установления границ муниципальных образований. Протесты выражались в основном среди населения абазинцев. Образование Ногайского административного района рассматривается лидерами ногайцев как первая победа на пути создания Ногайской республики.

В Карачаево-Черкесской Республике проживают более 80 национальностей, данный субъект характеризуется активным миграционным оттоком русского населения в Ставропольский край или на территорию СКФО. В 2010 г. создание СКФО вызвало неоднозначную реакцию населения республики, жители восприняли создание округа настороженно, обвинив федеральные власти в ограждении проблем русского населения на Северном Кавказе. Таким образом, на данной территории возник иной вид конфликта как «конфликт вхождения в округ». Население, черкесы, восприняли создание округа как положительный фактор, причем посчитав неприемлемым разделение трех республик, населенных адыгами, по двум округам – ЮФО и СКФО.

Территория Кабардино-Балкарской Республики разделена на три зоны по природно-географическому положению. Каждой зоне свойствен свой ареал расселения по этническим группам Кабардино-Балкарии: русские проживают в городах республики (Майнский и Прохладненский районы); кабардинцы в равнинной части и балкарцы в предгорных и горных частях республики. На территории республики существуют межобщинные разногласия по вопросу земель, культивирующие этническую и межэтническую напряженность. С 2005 г. поднимается вопрос о границах муниципальных образований в рамках выполнения Федерального закона 131 «О местном самоуправлении». В Кабардино-Балкарии балкарцы протестуют против включения своих территорий в состав муниципалитетов с преимущественно кабардинским населением. Аналогичные требования раздела административных районов на этнически однородные сохраняются и в других республиках.

Конфликтогенным фактором в Республике Северная Осетия – Алания выступают осетино-ингушские отношения народов. В территориальном отношении остается проблема для вынужденных переселенцев-ингушей в частично или полностью «закрытые» населенные пункты, такие как Октябрьское, Ир, Чернореченское, Терк, Южный и Владикавказ (полностью), Камбилеевское, Тарское и Чермен (частично). Переселение ингушей на данные территории не осуществляется из-за несогласия местных жителей-осетин. В данном случае внутри субъекта территориаль-

ный конфликт возникает из-за взаимного недоверия двух народов и последствий осетино-ингушского конфликта.

На этнополитическую ситуацию республики Ингушетия влияют отношения с соседними субъектами в СКФО, прежде всего с Чеченской Республикой, Республикой Северная Осетия и Республикой Дагестан. Одной из проблем Республики Ингушетия является вопрос об урегулировании отношений с соседним субъектом – республикой Северная Осетия. Конфликтная ситуация связана с осетино-ингушским конфликтом 1992 г., когда население (чеченцы и ингуши) были депортированы в Среднюю Азию и чечено-ингушская автономия была упразднена. Осетино-ингушский конфликт был первым в России вооруженным этнотерриториальным противостоянием. В настоящее время большинство требований одной из сторон конфликта не снято и не получило разрешения. Конституция Республики Ингушетия законодательно закрепляет в качестве приоритета республиканской политики возвращения «отторгнутых территорий», т. е. Пригородного района, который относится к Северной Осетии. На данном этапе этот конфликт не разрешен и находится в «замороженном» состоянии.

Межрегиональные споры по вопросам субнациональных границ неоднократно высказывала Чечня (в отношении Новолакского района Дагестана как территории проживания чеченцев-аккинцев) и Республика Адыгея (в отношении районов Краснодарского края, населенных шапсугами).

Следует отметить, что вопрос территориального размежевания и субнациональных границ особо актуализировался в 2012 г. между Чечней и Ингушетией. Глава и руководство Чеченской Республики заявили о законном праве на Сунженский и часть Малгобецкого районов Республики Ингушетия, при этом опираясь на архивные документы, которые доказывают принадлежность этих районов к территории Чеченской Республики. Глава Ингушетии поддержал вопрос демаркации субнациональных границ между республиками. Данное обстоятельство вызвало общественный резонанс среди населения республик, предпринимались попытки научных сообществ и политических деятелей через архивные документы определить историческую принадлежность данной спорной территории.

Обратимся к исторической справке. В декабре 1992 г. Чечено-Ингушскую АССР разделили на Чечню и Ингушетию, при этом внесли соответствующие поправки в конституцию РСФСР. Согласно закону «Об образовании Ингушской Республики в со-

ставе Российской Федерации» в 1992 г., четких субнациональных границ не было проведено. В июле 1993 г. между руководством республик было принято Соглашение «Об определении государственной границы между Чеченской Республикой Ичкерия и Республикой Ингушетией». В результате под юрисдикцию Чеченской Республики переданы населенные пункты из Сунжунского района (Серноводская, Ассиновская, Чемульга, Аршты, Карабулак, Троицкая, Нестеровская, Орджоникидзеvская) и Малгобецкого района (Вознесенновская, Акки-Юрт, Новый Редант). Процесс становления субнациональных границ был приостановлен началом военных действий в Чеченской республике и на данном этапе вопрос границ остается открытым.

Население Чечни и Ингушетии не хочет принимать участие в территориальном конфликте, поэтому изменение субнациональных границ воспринимается крайне негативно. Вопрос урегулирования конфликта неоднократно поднимался на протяжении последних лет, выдвигались предложения ряда исследователей о повторном объединении двух республик.

Отметим, если территориальный спор будет продолжаться, подобные процессы распространятся на соседние субъекты Северного Кавказа, в частности вопрос территориальных разногласий возникнет по пригородным Маздокскому району Республики Северная Осетия – Алания, Шелковскому и Надтеречному району Чеченской Республики.

Межэтнические предубеждения жителей Чеченской Республики носят конфликтогенный характер, что порождает множество групповых и межличностных конфликтов. Неурегулированность вопроса установления субнациональной границы между двумя республиками порождает напряженность, что провоцирует конфликты. Проблема спорной территории Ауховского района рассматривается как внутрисубъектный вопрос Республики Дагестан, но имеет особое влияние на общественное настроение чеченского населения.

Проблема обеспечения стабильности и безопасности в Республике Дагестан связана с оттоком русского населения с территории республики. Проблема восстановления Аухтовского района Республики Дагестан затрагивает интересы четырех этнических групп: дагестанских чеченцев (чеченцев-акинцев), лакцев, аварцев и кумыков. Обращаясь к исторической справке, в 1944 г. из Чечено-Ингушской АССР дагестанское население (чеченцы-акинцы) были депортированы в Центральную Азию. Ауховский район Дагестана был ликвидирован, села переимено-

ваны и заселены лакцами, в результате образовался Новолакский район. В 1980-х гг. проблема переселения и реабилитации репрессированных народов была поднята вновь с требованием восстановления Ауховского района. Попытки реализации этих требований выдвинули на поверхность целый ряд этнонациональных и территориальных противоречий между чеченцами, акинцами, кумыками, аварцами и лакцами. Правительство Республики Дагестан дало согласие и восстановление района началось с 1990-х годов по 2010 г. Реализация программы населения была прекращена в связи с нехваткой и задержкой финансирования.

Отметим, отношение Чеченской Республики к бывшему Ауховскому району или к ныне существующему Новолакскому району Республики Дагестан, не выдается как претензия на территорию. В данном случае речь идет не о желании присоединить территорию, а о восстановлении старого названия района, в котором проживают чеченцы-акинцы.

В 2013 г. население Невинномысска Ставропольского края выступило с просьбой перехода из состава Северо-Кавказского федерального округа в состав Южного федерального округа по причине высокой криминогенной обстановки в соседних национальных республиках.

Итак, учитывая Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года, необходимо актуализировать ценности «стабильности» с преобладанием межкультурной коммуникации для сохранения и развития этнокультурного многообразия народов России. Создать территориальную систему мониторинга, разработать индикаторы и показатели эффективности и оценить по ним ситуацию в каждом субъекте Кавказского региона. При этом необходимо учитывать конфликтогенные факторы, лежащие в основе возникновения внутристранового территориального конфликта/спора: географическое тяготение территории субъекта, экономические ресурсы спорного участка субъекта, историческая принадлежность территории субъекта; статус административно-территориальной единицы, связанный с изменением, упразднением и слиянием автономии; отсутствие автономии в национально-государственном образовании; разделенность субнациональными границами этнических групп с целью воссоединения по этническому, историческому, конфессиональному признакам.

Урегулирование территориальных споров на Северном Кавказе: правовая база и неформальные практики

На современном этапе вопросы о принадлежности территорий и проведении границ особо актуальны. Проблема национальной безопасности и сохранения мира в каждом государстве сегодня находится в центре внимания современного общества. До сих пор возникает немало территориальных споров во внутривосточном измерении. Территориальные конфликты и споры в политическом пространстве России актуализированы в связи с особенностями многоэтнического состава населения Российской Федерации. К специфическим особенностям пространства Российской Федерации следует отнести: межнациональные отношения, размытые этнические границы, наличие института национально-территориальной автономии, высокую идентификацию населения с территорией проживания (этническую идентичность).

В конфликтологических источниках территориальные конфликты представляют собой столкновение сторон субъектов РФ по поводу размежевания территории относительно изменения границ, а также спор относительно прав населения проживать, владеть или распоряжаться данной территорией⁶⁰.

Территориальный конфликт характеризуется тремя элементами: участниками – субъектами РФ, наличием оспариваемой субнациональной границы и спорного территориального ареала, четким совпадением объекта и предмета территориального спора. В большинстве территориальных конфликтов присутствует две стороны, однако возможны случаи, когда количество сторон увеличивается по причине расположения спорного территориального участка, находящегося на стыке нескольких субнациональных границ субъектов РФ. Основания территориальных споров и конфликтов разнообразны, среди них: улучшение геополитического положения с точки зрения расширения территории, стремление завладеть ресурсами территории.

Под территориальным спором подразумевается столкновение сторон по поводу принадлежности какого-либо территориального ареала.

Территориальный спор базируется на основании изменений субнациональных границ субъектов РФ путем мирного присоеди-

⁶⁰ *Козырев Г.И.* Введение в конфликтологию. М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 2001. 156 с.

нения на основе права к другому административно-территориальному образованию (субъекту РФ)⁶¹.

Классификация территориальных споров во многих источниках разделяется на два вида: спор о положении линии границы и спор о принадлежности определенного участка территории⁶².

Отметим, что некоторые споры можно отнести к двум вышеперечисленным видам. Современная практика разрешения территориальных споров позволяет расширить данную классификацию за счет выделения иных видов предмета спора – идентификации географического объекта и установлении территориального верховенства на определенном пространстве.

Для территориальных споров внутристранового уровня характерно наличие разногласий по вопросу установления и изменения субнациональных границ субъектов Российской Федерации. В данной статье объектом территориального спора выступает процедура установления (определения) субнациональной границы между Ингушетией и Чечней.

В современных реалиях территориальные споры и конфликты на Северном Кавказе сопряжены с двумя основными особенностями. Первая особенность – нелинейность субнациональных границ, поскольку эти границы в основном размыты, т. е. не имеют четких фиксированных межевых знаков на местности. Вторая особенность – конгруэнтность. В данном случае конгруэнтность границ подразумевает совпадение (консеквентная граница) или несовпадение («наложенная», или «секущая», граница) субнациональной границы субъектов РФ с этнокультурными или природными границами.

Кавказский регион представляет собой огромную многонациональную и многоконфессиональную территорию, где слились интересы многих ведущих государств мира⁶³. На Кавказе проживают малочисленные народы, которые имеют друг к другу претензии территориального характера, а межрегиональные конфликты подогреваются этническими противоречиями на данных территориях. Северный Кавказ имеет чрезвычайно сложную и неодно-

⁶¹ *Цветкова О.В.* Границы и межрегиональные отношения в политико-территориальной структуре России: технологии моделирования. Ульяновск: УлГУ, 2016. С. 186.

⁶² *Клименко Б.М.* Мирное решение территориальных споров. М.: Междунар. отношения, 1982. С. 16.

⁶³ *Гаджиев К.С.* Кавказский узел в геополитических приоритетах России / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. М.: Логос, 2010. С. 105.

родную внутреннюю политико-территориальную структуру, на его территории проживает многоэтнический состав населения, где традиционно происходит контакт различных культур и ярко выражена территориальная идентичность.

Тема территориального устройства Кавказского региона с точки зрения государственно-административного статуса и субнациональных границ стала острой в последние два десятилетия. При этом среди экспертов, зачастую, преобладает увлечение давними историческими аргументами, жесткими привязками территории к этническим сообществам, стремление придать территориям «моноэтнический» характер, а также неприятие поликультурности как «фактора риска»⁶⁴.

Правовая база и неформальные практики установления субнациональных границ

Правовая база содержит порядок изменения субнациональных границ между субъектами РФ. Порядок установления Конституцией не определен. Вопросы территориального устройства субъектов РФ Конституцией РФ не отнесены к ведению Российской Федерации и к совместному ведению Российской Федерации и субъектов РФ. Следовательно, данные вопросы могут регулироваться законодательством субъекта РФ.

В правовом отношении часть 3 статьи 67 Конституции Российской Федерации устанавливает, что границы между субъектами федерации могут быть изменены с их взаимного согласия. Такой порядок изменения границ между субъектами федерации является гарантией целостности государственной территории России⁶⁵. Но это не означает, что региональные власти субъектов РФ могут изменять субнациональные границы без участия федеральных органов. В этом процессе участвуют три стороны: органы государственной власти двух субъектов (границы которых изменяются) и Совет Федерации. Изменение административных границ между субъектами подлежит, как установлено статьей 102 Конституции, утверждению Советом Федерации.

⁶⁴ Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе: Экспертный доклад / Под ред. В.В. Тишкова, В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН; Ставрополь: изд-во СКФУ, 2013. С. 4–5.

⁶⁵ Конституция РФ. [Электронный ресурс]. URL: <http://constitution.garant.ru/rf/chapter/3/> (дата обращения 22.12.2021).

Порядок изменения границ субъектов Российской Федерации устанавливается частью 3 статьи 67, пунктом «а» части 1 статьи 102 Конституции Российской Федерации, а также главой 18 Регламента Совета Федерации.

В соответствии с частью 6 статьи 67 Конституции Российской Федерации границы между субъектами Российской Федерации могут быть изменены с их взаимного согласия. Пунктом «а» части 1 статьи 102 Конституции Российской Федерации установлено, что утверждение изменения границ между субъектами Российской Федерации относится к ведению Совета Федерации.

В соответствии с пунктом «б» части 1 статьи 145 Регламента Совета Федерации для рассмотрения вопроса об утверждении изменения границ между субъектами Российской Федерации в Совет Федерации представляется обоснование изменения границ, согласованное субъектами Российской Федерации, а именно – пояснительная записка, содержащая результаты выявленного в соответствии с законодательством субъектов Российской Федерации мнения населения, проживающего на передаваемых территориях, по данному вопросу.

Выделяются две фундаментальные основы по вопросам делимитации и демаркации границ субъектов РФ. В соответствии с Конституцией РФ (ст. 67, п. 3) границы между субъектами федерации могут быть изменены с их взаимного согласия. Отметим, суть выражения «согласие субъектов РФ». Неформальная практика показала, что «согласие субъектов РФ» понимается по-разному в субъектах РФ со спорными участками: в одном случае необходимо провести референдум, в другом – получить решение соответствующего органа государственной власти или провести местное собрание жителей отдельной части субъекта и получить их согласие.

Для одних это означает необходимость проведения референдума, т. е. фактически отождествляются термины «субъект РФ» и «население субъекта РФ», что в исследуемом контексте представляется оправданным. Ряд других субъектов РФ считают достаточным получение решения соответствующих органов государственной власти. У третьих «согласие субъекта РФ» заменяется на «согласие части субъекта РФ» (речь идет о субъектах РФ, в которых ограничиваются выяснением мнения населения территории, границы которой должны быть изменены).

Неформальные практики на сегодняшний день указывают, что территориальные споры по установлению субнациональных границ субъектов РФ связаны с общественными интересами. Если субъект выдвижения инициативы по изменению субнацио-

нальной границы не учитывает интересы населения, проживающего на данной территории, то это в свою очередь способствует политическому напряжению, что в дальнейшем приводит к обострению территориальных претензий. Данная ситуация имела место в Северо-Кавказском федеральном округе в 2018 г.

Обратим внимание, что вопрос урегулирования территориального спора в отношении установления границ между Республиками Ингушетия и Чечня поднимался неоднократно на протяжении последних десятилетий. Субъектом выдвижения инициативы всегда выступало руководство Чеченской Республики.

Вопрос установления субнациональных границ в Северо-Кавказском федеральном округе особо актуализировался в 2012 г. Глава и руководство Чеченской Республики заявили о законном праве на Сунженский и часть Малгобецкого районов Республики Ингушетия, при этом опираясь на архивные документы, которые доказывают принадлежность этих районов к территории Чеченской Республики. Глава Ингушетии поддержал вопрос демаркации субнациональных границ между республиками. Данное обстоятельство вызвало общественный резонанс среди населения республик, предпринимались попытки научных сообществ и политических деятелей через архивные документы определить историческую принадлежность данной спорной территории.

Обратимся к исторической справке, в декабре 1992 г. Чечено-Ингушскую АССР разделили на Чечню и Ингушетию, при этом внесли соответствующие поправки в конституцию РСФСР. Согласно закону «Об образовании Ингушской Республики в составе Российской Федерации» в 1992 г., четких субнациональных границ не было проведено. В июле 1993 года между руководством республик было принято Соглашение «Об определении государственной границы между Чеченской Республикой Ичкерия и Республикой Ингушетией». В результате под юрисдикцию Чеченской Республики переданы населенные пункты из Сунжунского района (Серноводская, Ассиновская, Чемульга, Аршты, Карабулак, Троицкая, Нестеровская, Орджоникидзевская) и Малгобецкого района (Вознесенновская, Акки-Юрт, Новый Редант). Процесс установления субнациональных границ был приостановлен началом военных действий в Чеченской Республике.

26 сентября 2018 г. глава Республики Ингушетия Ю.Б. Евкуров и глава Чеченской Республики Р.А. Кадыров подписали соглашение «Об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой» 4 октября 2018 г. Народное Собрание Республики Ингушетия приняло закон № 42-РЗ

«Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой»⁶⁶. Населением Республики Ингушетия вопрос установления субнациональных границ воспринял крайне негативно, это объяснялось следующими обстоятельствами: во-первых, мнение местного населения не было учтено при подписании Соглашения, так как не был проведен референдум среди жителей субъектов по спорным территориям; во-вторых, население Республики Ингушетия отметили неравные условия передачи территориальных ареалов.

В связи с недовольством и массовыми протестами жителей Республики Ингушетия инициативная группа депутатов обратилась в Конституционный суд с требованием проверить на соответствие Конституции закон РИ № 42-РЗ. Постановлением Конституционного суда Республики Ингушетия № 19-П от 30.10.2018 закон № 42-РЗ был признан не соответствующим Конституции Республики Ингушетия. В связи с данной ситуацией Глава Республики Ингушетия просит Конституционный Суд Российской Федерации подтвердить соответствие Конституции Российской Федерации как Закона Республики Ингушетия «Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой», так и утвержденного им Соглашения. Конституционный Суд РФ признал, что ни соглашение, ни закрепивший его закон не противоречат Конституции страны⁶⁷.

Выводы

1. Конституция РФ содержит только категорию «изменение границы между субъектами РФ», тогда как категория «установление границы» в тексте Конституции РФ отсутствует, ввиду

⁶⁶ Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/550204892> (дата обращения 22.12.2021).

⁶⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 6 декабря 2018 г. № 44-П «По делу о проверке конституционности Закона Республики Ингушетия “Об утверждении Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой” и Соглашения об установлении границы между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой в связи с запросом Главы Республики Ингушетия» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72019812/> (дата обращения 22.12.2021).

чего представляется обоснованным заключение договора между субъектами РФ об установлении субнациональных (административных) границ. Между Республикой Ингушетия и Чеченской Республикой впервые проводилось установление (определение) границы, а не ее изменение. Следовательно, ни Конституция Российской Федерации, ни Конституция Республики Ингушетия в системном единстве с указанным Конституционным законом не предполагают обязательность проведения референдума в случае установления границы между ней и другим субъектом Российской Федерации.

2. Конституция Российской Федерации непосредственно не устанавливает проведение субъектами Российской Федерации референдума для решения вопросов, связанных с их территориальной организацией, является обязательным, и не исключает использование данной формы волеизъявления народов, проживающих на их территориях, если такая возможность предусмотрена федеральным законом или конституцией (уставом) и законом конкретного субъекта Российской Федерации. Так, установление (определение) и изменение границ между субъектами Российской Федерации может быть закреплено с их взаимного согласия в решении, принятом либо населением субъекта Российской Федерации (референдум), либо законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Российской Федерации, или выражено в результате сочетания обоих способов. В данной ситуации имело место решение законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта РФ.

3. Подписание соглашения явилось следствием неурегулированного вопроса о принадлежности ряда спорных межсубъектных территорий. Поскольку на федеральном уровне правовой базы по установлению (определению) субнациональных границ не создано, соответствующие вопросы стали регулироваться региональными республиканскими властями.

4. На современном этапе социально-политического обустройства перед руководством республик Кавказского региона стоит задача изменения сложной этнополитической ситуации. В современных условиях стала приемлемой апелляция к различного рода инструментам как то: авторитет, право, воля и принуждение. Управленческая элита республик находится в поиске ресурсов и механизма реализации принимаемых решений, касающихся межнациональных отношений и этнотерриториальных споров, а этнонациональные аспекты определяют конфликтогенную ситуацию в данном регионе.

Глава 4

Технология медиации при урегулировании этнополитических конфликтов и споров на Северном Кавказе

Этнотерриториальные конфликты и споры в политическом пространстве Российской Федерации имеют исторические корни, связанные со становлением территории и ее границ сначала в Российской империи, далее, основывая конгломерат этнических и национальных образований в период СССР, а затем наступивший процесс суверинизации бывших союзных республик привел к возникновению независимых государств, что и способствовало появлению территориальных претензий в отношении принадлежности субнациональной территории.

Смена общественно-экономической системы в 80–90-х годах XX в. сопровождалась многочисленными конфликтами, к которым бывшее советское общество оказалось неготовым. Возникла объективная потребность изучения конфликтов и альтернативных способов их разрешения. Так, в научном пространстве РФ стали чаще говорить о медиации и формах ее проведения.

Современные политические технологии профилактики, урегулирования и разрешения территориальных конфликтов в Российской Федерации имеют большое значение для территориальной целостности государства и обеспечения национальной безопасности. Изучение технологий урегулирования территориальных конфликтов и споров является важной задачей исследователей в области не только конфликтологии, но и политологии, так как любые территориальные споры и разногласия связаны с политическим управлением на данной территории. Политологам и регионологам на основе научно-теоретических знаний важно понять основные причины и практические последствия территориальных конфликтов, особенно в связи с разрешением этнотерриториальных проблем в условиях современного российского федерализма.

При определенных условиях медиация обладает значительными преимуществами в отношении альтернативных способов разрешения споров. Именно институт медиации, позволяющий

разрешать конфликты на стадии возникновения, может выступать эффективным инструментом разрешения споров, а также поможет снизить загруженность судов.

На разрешение конфликтов в политической и экономической сферах затрачивается большое количество ресурсов, которые могут пойти на укрепление благосостояния нации. Таким образом, медиация в политических и экономических конфликтах – это не только эффективное средство их разрешения, но и ресурсосберегающий инструмент.

Исследование пути становления и развития института медиации в России поможет понять его особенности и выявить перспективы для дальнейшего эффективного использования его на благо общества в отношении этнополитических конфликтов.

Медиацию определяют, во-первых, как процесс, в ходе которого участники с помощью нейтрального посредника – медиатора, выявляют пути разрешения спора, ищут альтернативы, пытаются достичь консенсуса, во-вторых, как метод, позволяющий сторонам, вовлеченным в конфликт, при содействии медиатора выработать взаимовыгодные решения.

Но среди всех этих различных по формулировке, но имеющих примерно одну и ту же суть, определений, мы предлагаем воспользоваться «конфликтологическим».

Итак, в конфликтологии медиация рассматривается как способ разрешения конфликта при участии медиатора на основе договора сторон с целью достижения ими взаимоприемлемого решения.

Технология медиации – междисциплинарное понятие. Чаще всего оно применяется в юриспруденции. Медиация как социологическая технология применяется при урегулировании политических, социальных, этнических конфликтов.

Федеральный закон от 27.07.2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования спора с участием посредника (процедуре медиации)» определяет понятие «процедура медиации» как способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон с целью достижения ими взаимоприемлемого решения.

Отсюда можно сделать вывод о том, что процедура медиации – это правила и порядок действий по урегулированию спора при содействии медиатора. При этом в качестве процедуры медиацию регулирует законодательство (от признания приемлемого способа регулирования определенных категорий споров до процессуальных последствий ее применения).

Говоря о понятии медиации, следует пояснить, кто же такой медиатор и почему он так часто фигурирует в понятиях.

Медиатор – это независимое физическое лицо, привлекаемое сторонами в качестве посредника в урегулировании спора для содействия выработке сторонами решения по существу спора. Закон о медиации, о котором упоминалось выше, указывает на независимость медиатора и на его беспристрастность.

При этом по нормам российского законодательства медиаторами могут быть лишь лица с высшим образованием, достигшие 25 лет и не имеющие деловых отношений с какой-либо стороной, обязующиеся соблюдать закон этики медиации. Медиаторами не могут быть лица, находящиеся на государственной, муниципальной, гражданской службе, недееспособные лица, лица, имеющие судимость.

К участникам медиации относятся:

1. *Сторонники и советники.* Это бизнес-партнеры сторон, супруги, сотрудники их организации, т. е. все, кто входят в состав команды стороны конфликта. Они не принимают решений по целям как основные участники, но могут оказывать воздействие на стороны, внося искажения и свое экспертное мнение. От основных участников их отличают степень вовлеченности в процесс и активность в принятии решения по итогам медиации. Необходимость участия дополнительных сторонников обсуждается сторонами совместно с медиатором, так как наличие дополнительных участников за столом переговоров существенно влияет на баланс сил. Сторонники и советники нужны для того, чтобы оказывать моральную поддержку сторонам, помогать им в аргументации собственных позиций. Медиатор должен понимать, что зачастую они берут на себя роль лидеров, и избегать этого.

2. *Эксперты.* Они нужны для формирования и изложения экспертного мнения по важной для стороны конфликта проблеме. От экспертов стороны получают объективный критерий, стандарт, с которым они готовы согласиться, так как легче согласиться с ним, нежели с оппонентом. Степень участия и роль их в медиации определяются соглашением сторон, а инициатор такого соглашения – медиатор.

3. *Представители, юристы, адвокаты* – необходимы для защиты прав и законных интересов заказчика, для проверки законности принимаемых в ходе медиации решений, для консультации сторон и медиатора, для помощи участникам сформулировать интересы, для поиска вариантов решения конфликта с опорой на политико-правовую базу. Роль юристов также определяется со-

глашением сторон и отличается от их роли в суде. Участие юриста в основном облегчает работу медиатора. Однако цель медиатора – контролировать работу юристов, так как они могут выступать в роли провокаторов или третьих лиц.

4. *Переводчики.* Они нужны для обеспечения коммуникации между разноязычными участниками медиации, могут быть привлечены медиатором или сторонами, желательно, чтобы каждая сторона имела своего переводчика. Однако для медиатора это наименее комфортная ситуация, так как есть риск быть непонятым или понятым неверно. В случае, когда все стороны говорят на разных языках, а переводчик не владеет столькими языками, медиатору нужно обратить особое внимание на точность и лаконичность формулировок. Участие переводчика – очень опасная ситуация для медиатора, так как в случае, если у переводчика есть собственный интерес, он может стать провокатором или управленцем. Если медиатор не знает языка, он становится некомпетентным.

Принципы медиации

Процедура медиации проводится в соответствии со следующими принципами: добровольность; равноправие сторон; нейтральность, беспристрастность медиатора; конфиденциальность.

Добровольность предполагает совместную договоренность сторон, направленную на удовлетворение интересов всех участников медиации. То есть вступление всех спорящих сторон в процесс медиации является добровольным, а медиатор – свободно выбранным. Никто не может заставить стороны участвовать в медиации, если они не хотят этого по какой-либо причине. Этот принцип проявляется и в том, что все решения принимаются только по взаимному согласию сторон, и в том, что каждая сторона в любой момент может отказаться от медиации и прекратить переговоры. Прежде чем начинать медиацию, медиатор обязательно обсуждает вопрос добровольности и старается добиться последней от каждой из сторон.

Равноправие сторон понимается так, что ни одна сторона не имеет преимуществ в отношении другой стороны. В переговорах им предоставляется одинаковое право высказывать свои мнения, определять повестку переговоров, оценивать приемлемость предложений и условий соглашения и т. д.

Нейтральность, беспристрастность медиатора предполагают внутреннюю независимость медиатора от его личных

предпочтений и симпатий к сторонам, т. е. медиатор должен относиться к сторонам одинаково. Он не может ставить своими действиями кого-либо из сторон в преимущественное положение, равно как и нарушать интересы одной из сторон. Соответственно, медиатор обязан не только придерживаться одинакового отношения к сторонам, но и воздерживаться от вмешательства в основные аспекты их спора. В случае наличия или возникновения в процессе проведения процедуры медиации обстоятельств, которые могут повлиять на независимость и беспристрастность, медиатор обязан незамедлительно сообщить об этом и отказаться от ведения процесса.

Конфиденциальность. Все, о чем говорится или обсуждается в процессе медиации, остается внутри этого процесса. Медиатор не может выступать в качестве свидетеля, если дело все-таки будет передано в суд, и не сообщает одной стороне информацию, которую он получил от другой в процессе индивидуальной беседы, если не получил на это специального разрешения или просьбы от сообщившего информацию.

Развивающаяся в России теория и практика медиации пока в значительной степени не имеет единообразного понятийного аппарата. Важнейшее значение для правильного использования терминов медиации имеет разграничение процедуры медиации и технологии ее реализации. Иными словами, следует различать технологию как совокупность способов, приемов и средств осуществления медиации и процедуру как порядок, правила проведения медиации. В России на сегодняшний день эти два понятия часто смешиваются. Медиация в основном рассматривается только как процедура для урегулирования спора, но не как технология. Соответственно, под процедурой медиации следует понимать правила и порядок действий по урегулированию спора при содействии медиатора⁶⁸. Отметим, в качестве процедуры медиацию регулирует законодательство.

Медиация представляет собой не только предусмотренную правом процедуру, но и специальную технологию переговоров для работы с конфликтом. В качестве технологии медиация не подлежит регламентации, она представляет собой набор специальных приемов, навыков и умений.

⁶⁸ Медиация: Учеб. / [Аллахвердова О.В. и др.]; под ред. А.Д. Карпенко, А.Д. Осинковского. СПб.; М.: Ред. журн. «Третейс. суд»: Статут, 2016. С. 129.

Технология медиации, как и само понятие «конфликт», междисциплинарна, принципиальной характеристикой медиации является ее принадлежность к переговорным технологиям.

В практике установлено, что переговоры являются самым эффективным методом урегулирования конфликтов на любом территориальном уровне. Для технологии переговорного процесса характерно нахождение компромиссных вариантов и совместный поиск решения проблемы. Основное условие переговорного процесса – намерение вести переговоры между участниками конфликта. Это способствует переходу от стадии конфликта к стадии его урегулирования.

Современные российские политические исследователи, рассматривая переговоры на международном уровне, делают акцент на коммуникации между участниками и совместном решении проблемы.

В свою очередь М.М. Лебедева указывает, «переговоры один из старейших видов человеческой деятельности, направленный на решение проблем при организации сотрудничества или урегулировании конфликтной ситуации»⁶⁹.

И.А. Василенко отмечает, «переговоры рассматриваются как наука и искусство в достижении соглашений в процессе коммуникации, представляют собой целостное единство содержания (предмет переговоров), процесса общения определенных процессуальных процедур»⁷⁰.

Технология переговорного процесса включает в себя способы по подаче позиций, принципы взаимодействия и технику тактических приемов. Установлено, что «переговорный процесс состоит из последовательных стадий, каждая из которых обладает своими особенностями, и представляет собой единый процесс. К стадиям переговорного процесса относят: подготовку к проведению переговорного процесса, сам процесс ведения и учет договоренностей по спорным вопросам, анализ результатов переговорного процесса и выполнение достигнутых договоренностей»⁷¹.

Существует множество определений технологии медиации, которые опираются на ее особенности, прикладной характер, отраслевую специфику. Все они определяют медиацию как особую

⁶⁹ *Лебедева М.М.* Технология ведения переговоров. М.: Аспект Пресс, 2010. С. 35.

⁷⁰ *Василенко И.А.* Международные переговоры. М.: Юрайт, 2015. С. 20.

⁷¹ *Лебедева М.М.* Технология ведения переговоров. С. 35.

технологию переговоров с участием третьей стороны – посредника с целью урегулирования конфликта или спора.

В конфликтологическом словаре под редакцией А.Я. Анцупова и А.И. Шипилова термин «медиация» рассматривается как синоним посредничества, которое, в свою очередь, определяется в данном издании как «участие третьей нейтральной стороны в конфликте с целью Оптимизации процесса нахождения оппонентами такого решения проблемы, которое позволило бы прекратить конфликт»⁷².

По мнению Д. Кроули и К. Грэма, «медиация – это процесс, где беспристрастная третья сторона помогает спорным сторонам разобраться в существующих между ними разногласиях, понять их и, по возможности, разрешить их спор»⁷³.

В правовом смысле медиация относится к одному из видов альтернативного разрешения споров (АРС). Она является технологией достижения взаимного понимания и согласия между сторонами при участии и под руководством третьего нейтрального лица – посредника, не наделенного правом вынесения обязательного для сторон решения⁷⁴.

Помимо этого медиация понимается как метод, позволяющий сторонам, вовлеченным в спор, при содействии третьего, нейтрального, беспристрастного лица – медиатора – на добровольной основе выработать взаимовыгодное, жизнеспособное соглашение, отвечающее их интересам⁷⁵.

Медиация также является процессом, в ходе которого участники конфликта с помощью нейтрального посредника (медиатора) планомерно выявляют проблемы и пути их решения, ищут альтернативы и пытаются достичь консенсуса, который бы соответствовал их интересам.

На основе рассмотренных мнений можно выделить несколько критериев, характерных для большинства определений медиации:

- особая форма посредничества в прямых переговорах между конфликтующими сторонами;

⁷² Анцупова А.Я., Шипилов А.И. Словарь конфликтолога. СПб., 2006. С. 236.

⁷³ Кроули Д., Грэм К. Медиация для менеджеров: разрешение конфликтов и восстановление рабочих отношений. М., 2010. С. 11.

⁷⁴ Давыденко Д.Л. Мировое соглашение вне суда и его урегулирование гражданским правом // Хозяйство и право. 2005. № 2. С. 15.

⁷⁵ Шамликашвили Ц.А. Эффективность медиации во внешнеторговых спорах // Внешнеторговое право. 2011. № 1. С. 7.

- участие нейтральной стороны;
- совместные равноправные переговоры участников медиации;
- конфиденциальность;
- совместная договоренность, направленная на удовлетворение интересов всех участников⁷⁶.

Таким образом, медиация представляет собой способ урегулирования конфликтов и споров при участии медиатора на основе добровольного соглашения сторон с целью достижения взаимоприемлемого решения.

На практике к технологии медиации при урегулировании конфликтов на разных пространственных уровнях обращаются при определенных обстоятельствах.

1. Технология медиации применяется, когда конфликтующие стороны нашли совместное решение, но требуется внешний контроль за временным соглашением.

2. Технология медиации применяется, когда конфликтующие стороны по-разному трактуют политико-правовые нормы и требуют введения санкций по отношению к оппоненту.

3. Технология медиации оказывает положительный эффект при латентных этнополитических конфликтах, при неинтенсивном течении, когда конфликтующие не могут найти взаимоприемлемое решение.

Самым распространенным явлением в России являются территориальные конфликты по вопросам изменения внутренних субнациональных границ субъектов РФ, связанные с этнополитическими проблемами. Этнотерриториальные конфликты неизбежны, так как в России на достаточно высоком уровне развит институт национально-территориальной автономии, где сильно размыты этнические границы. Неопределенность субнациональных границ субъектов РФ имеет особое значение во внутреннем геополитическом пространстве Северного Кавказа.

На современном этапе оптимальная технология по урегулированию внутренних этнотерриториальных конфликтов – технология медиации. Особо актуальна в отношении территориального размежевания между Республиками Северная Осетия – Алания

⁷⁶ *Аллахвердова О.В.* Медиация в философском, психологическом и юридическом контексте // Развитие медиации в России: теория, практика, образование: Сб. статей / Под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М., 2012. С. 37–48.

и Ингушетия. Территориальные противоборства подобного типа не имеют окончательного разрешения, поэтому для данной ситуации необходимо поддерживать мирное урегулирование как трансформацию территориального конфликта на стадии деэскалации.

В перспективе автор предлагает внести поправки в федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»⁷⁷, который на данный момент не позволяет использовать государственные структуры и государственных чиновников в качестве медиатора. В законе четко прописано, что медиаторами не могут быть лица, занимающие государственные должности РФ, государственные должности субъектов РФ, должности государственной гражданской и муниципальной службы.

Наиболее эффективным медиатором может быть лицо, которое мотивировано и заинтересовано в осуществлении именно медиаторской деятельности, а не какой-либо еще. При этом исключать возможность участия вышеперечисленных лиц в процедуре медиации не стоит. В определенных случаях будет разумным предоставить и им право участвовать в этом процессе наряду с медиаторами, особенно если территориальный спор или конфликт затрагивает межконфессиональные, межнациональные, государственные интересы (разумеется, если стороны против этого не возражают).

Таким образом, учитывая законодательство в отношении процедуры медиации, медиаторами могут выступать незаинтересованные, независимые, вызывающие доверие лица, с помощью которых спор или конфликт может быть успешно разрешен посредством процедуры медиации. На современном этапе в роли медиатора в урегулировании этнотерриториальных конфликтов и споров могут выступать сторонники, советники, представители общественности и религиозные деятели.

Сторонниками и советниками в медиации могут быть все, кто входит в «состав команды» стороны конфликта. Они не принимают решения по целям в переговорах как управленцы, но могут оказывать свое воздействие на стороны, внося искажения и свое экспертное мнение.

⁷⁷ Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/12177508/> (дата обращения 22.12.2021).

От сторон их отличает степень активности, проявленности интереса, участия в принятии решения по итогам медиации и, самое главное, совпадения их интересов с интересами стороны, которую они поддерживают.

Желательно, чтобы необходимость привлечения сторонников в медиацию обсуждалась и определялась сторонами совместно с медиатором, поскольку наличие дополнительных участников за столом переговоров оказывает непосредственное влияние на баланс сил.

К функциям сторонников и советников в медиации относятся: моральная поддержка сторон; помощь сторонам в аргументировании позиций и предложений; борьба вместе со стороной за власть на переговорах; генерирование вариантов решения.

Сторонники и советники нередко берут на себя роль лидера в медиации вместо самих сторон⁷⁸.

Медиатору следует отслеживать подобные моменты и возвращать процесс к обсуждению, способствующему, в первую очередь, реализации интересов сторон конфликта.

Эксперты – это те участники медиации, которые определенно не относятся к участникам конфликта. Их основную функцию можно определить как формирование и изложение мнения специалиста по важной для сторон конфликта проблеме или части проблемы в соответствии с вопросами, которые заданы этому специалисту.

Иными словами, от экспертов стороны получают объективный критерий – стандарт, с которым они готовы согласиться⁷⁹.

Из вышесказанного можно сделать следующие выводы в отношении урегулирования внутренних территориальных конфликтов путем медиации.

1. В настоящее время технология политической медиации может быть применима при урегулировании этнотерриториального конфликта между двумя субъектами РФ – Республикой Северная Осетия – Алания и Республикой Ингушетия в отношении Пригородного района. Данный территориальный конфликт может быть разрешен, т. е. трансформирован только при комплексном использовании отдельных приемов и методов политической медиации (ко-медиации).

⁷⁸ Ричбелл Д. Медиация в строительном и девелоперском бизнесе. М., 2011. С. 164.

⁷⁹ Фишер Р., Юри У., Паттон Б. Переговоры без поражения: Гарвардский метод. М., 2013. С. 57.

2. Использование технологии медиации улучшит ситуацию в урегулировании этнотерриториального осетино-ингушского конфликта в постконфликтной фазе. Следует отметить, территориальные конфликты подобного типа окончательно разрешить нельзя, но их можно сдерживать и регулировать определенными методами политического управления. Технология политической медиации должна быть направлена на реализацию трансформации территориального конфликта в мирное русло.

3. Территориальный конфликт в отношении прохождения субнациональных границ между субъектами Северного Кавказа носит непредсказуемый характер. Следовательно, автор предлагает использовать технологию политической медиации, где инициатором переговоров должен выступить независимый эксперт, незаинтересованный политический субъект в виде посредничества, примирения и арбитража.

Литература

- Аллахвердова О.В.* Медиация в философском, психологическом и юридическом контексте // Развитие медиации в России: теория, практика, образование: Сб. статей / Под ред. Е.И. Носыревой, Д.Г. Фильченко. М., 2012. С. 37–48.
- Андерсон М.* Границы Европейского союза [Электронный ресурс]. URL: <http://www.edc.spb.ru/activities/conferences/40years/anderson.html> (дата обращения 22.12.2021).
- Ангапова О.Б.* Сущность и особенности приграничных территорий Российской Федерации // Вестник ВСГУТУ. 2013. № 6. С. 164–170.
- Ангапова О.Б.* Классификация приграничных регионов Российской Федерации // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2014. № 2. С. 76–80.
- Анциупова А.Я., Шитлов А.И.* Словарь конфликтолога. СПб., 2006. С. 236.
- Арон Р.* Демократия и тоталитаризм. М.: Текст, 1993. 303 с.
- Артоболевский С.С.* Приграничные территории Российской Федерации: что может и хочет государство? // Российское экспертное обозрение. 2006. № 4. С. 9–11.
- Бабурин В.* Чем больше территория – чем лучше жизнь? // Век. 2002. № 12.
- Бабурин С.Н.* Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М.: Изд-во МГУ, 1997.
- Бакланов П.Я.* Приграничные и трансграничные территории как объект географических исследований // Изв. РАН. Сер. «Географическая». 2004. № 4.
- Барынькин В.М.* О некоторых подходах к выработке мер по разрешению военного конфликта. М.: ВАГШ, 1996.
- Баталов Э.Я.* Топология политических отношений // Полис. Сер. «Политические исследования». 1995. № 2.
- Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л.Б. Вардомского, С.В. Голунова. М.; Волгоград: НОФМО, 2002. 572 с.
- Белозеров В.С.* Этнодемографические процессы на Северном Кавказе. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2000. С. 7.

- Бирюков С.В.* Регионализм в современной России: проблемы и перспективы: Монография. М.: ТЕИС, 2011. 136 с.
- Божко Д.* Взаимодействие культур на государственных границах: исторический аспект // Государственная служба. 2013. № 5. С. 91–94.
- Бондаренко В.М.* Статус Государственной границы Российской Федерации как объект конституционного права // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2011. № 4 (29). С. 152–158.
- Бредникова О.* Последний рубеж // Отечественные записки. 2002. № 6 (7).
- Вардомский Л.Б.* Приграничный пояс России: проблемы и тенденции развития // Приграничные районы, приграничное сотрудничество. М.: ИМЭПИ РАН, 2000.
- Вардомский Л.Б.* Российское порубежье в условиях глобализации. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 216 с.
- Гаджиев К.С.* Геополитика Кавказа. М.: Междунар. отношения, 2001. 462 с.
- Гаджиев К.С.* Кавказ: между единством и фрагментацией // Власть. 2009. № 10. С. 70–75.
- Гаджиев К.С.* Новое Великое переселение народов // Свободная мысль. 2009. № 12 (1607). С. 17–30.
- Гаджиев К.С.* Размышления о последствиях пятидневной войны для геополитики Кавказа // Мировая экономика и международные отношения. 2009. № 8. С. 31–43.
- Гаджиев К.С.* Геополитические горизонты России: контуры нового миропорядка / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Экономика, 2010. 478 с.
- Гаджиев К.* Кавказ: между единством и фрагментацией // Россия и мусульманский мир. 2010. № 2 (212). С. 57–67.
- Гаджиев К.С.* Кавказский узел в геополитических приоритетах России / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. М.: Логос, 2010. С. 105.
- Гаджиев К.* Россия может сохранить величие, только оставаясь Россией // Международные процессы. 2010. Т. 8. № 3 (24). Сент.–дек. С. 134–137.
- Гаджиев К.С.* Этнонациональная и геополитическая идентичность Кавказа // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 2. С. 64–74.
- Гаджиев К.С.* Внешняя политика в поле пересечения морали и власти // Мировая экономика и международные отношения. 2011. № 10. С. 59–72.
- Гаджиев К.С.* К вопросу о геополитической идентичности России в современном мире // Власть. 2011. № 6. С. 4–10.

- Гаджиев К.* Национализм и ислам на Кавказе: идеологическое измерение // Россия и мусульманский мир. 2011. № 2 (224). С. 59–71.
- Гаджиев К.С.* Национальная идентичность: концептуальный аспект // Вопросы философии. 2011. № 10. С. 3–16.
- Гаджиев К.С.* «Большая игра» на Кавказе: вчера, сегодня, завтра / Ин-т мировой экономики и междунар. отношений РАН. М.: Междунар. отношения, 2012. 339 с.
- Гаджиев К.С.* Национализм в роли идеологии // Власть. 2012. № 11. С. 4–8.
- Гаджиев К.* О природе политических режимов национальных республик Северного Кавказа // Россия и мусульманский мир. 2012. № 6 (240). С. 39–54.
- Гаджиев К.* Кавказско-Каспийский регион и современная геополитика // Ориентир. 2013. № 1. С. 10–12.
- Гаджиев К.С.* Об эндогенных факторах фрагментации идентичности России // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 4. С. 47–58.
- Гаджиев К.С.* Южный Кавказ: геополитические этюды // Свободная мысль. 2013. № 6 (1642). С. 39–46.
- Гаджиев К.С.* Метаморфозы глобализации: геополитическое измерение // Власть. 2014. № 11. С. 72–77.
- Гаджиев К.С.* Фундаментализм в поле пересечения западных и исламских ценностей // Власть. 2015. № 3. С. 5–13.
- Гвоздецкий Н.А.* Физико-географическое районирование Северного Кавказа // Природное районирование и вопросы охраны природы: Межвуз. сб. Уфа: Башкир, ун-т, 1980. С. 13–27.
- Географические границы: Сб. ст. / Под ред. Б.Б. Родомана, Б.М. Эккеля. М.: Изд-во МГУ, 1982. 128 с.
- География государственных границ: идеи, достижения, практика // Изв. РАН. Сер. «Географическая». 2008. № 5.
- Гидденс Э.* Устройство общества: очерк истории структуриации. 2-е изд. М.: Академический Проект, 2005.
- Гидденс Э.* Последствия современности / Пер. с англ. Г.К. Ольховикова, Д.А. Кибальчича. М.: Праксис, 2011.
- Глинский Д.* Современная Россия в центр-периферической системе координат: К постановке проблемы // Полярная звезда. 2004. 11 июня.
- Глобалистика: Энциклопедия / Под ред. И.И. Мазур и А.Н. Чумакова. М.: Диалог, 2003.
- Голунов С.В.* Российско-казахстанская граница: проблемы безопасности и международного сотрудничества. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. 422 с.
- Голунов С.В.* Безопасность пограничных пространств // Международные процессы. 2007. Т. 5. № 2 (14). Май–авг.

- Голунов С.* Практическая значимость как проблема современных исследований границ // Социологическое обозрение. 2014. № 4.
- Гончаров Д.В.* Структура территориальной политики в России // Полис. Сер. «Политические исследования». 2012. № 3. с. 63–74.
- Границы безопасности и безопасность границ / Под ред. В.Е. Хвощева. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. 468 с.
- Грицай О.В.* Центр и периферия в региональном развитии / О.В. Грицай, Г.В. Иоффе, А.И. Трейвиш. М.: Наука, 1991.
- Давыденко Д.Л.* Мировое соглашение вне суда и его урегулирование гражданским правом // Хозяйство и право. 2005. № 2. С. 15.
- Дергачев В.А.* Рубежная коммуникативность // Изв. Рос. географ. общества. 1999. Т. 131. Вып. 3.
- Деррида Ж.* Письмо и различие. СПб.: Академ. проект, 2000. С. 353.
- Дмитриев А.П.* Оборонная политика Советского государства: сущность, структура, функции. М.: ВАГШ, 1991.
- Забелина М.В.* Границы субъектов Российской Федерации: понятие, статус, функции, правовое закрепление // Право и политика. 2013. № 1 (157). С. 18–26.
- Замотаев А.А.* Изменение границ территорий [Электронный ресурс]. URL: http://www.ur.mos.ru/tsg/10/10_2.htm (дата обращения 02.12.2014, 22.12.2021).
- Замятин Д.Н.* Пространство как образ и трансакция: к становлению геономики // Общественные науки и современность. 2008. № 2.
- Замятина Н.Ю.* Пространство власти: физическое, метафорическое, ментальное. Пространство власти: Исторический опыт России и вызовы современности / Под науч. ред. Б.В. Ананьича, С.И. Барзилова. М., 2001. 64 с.
- Заяц Д.* Государственная граница Российской Федерации // География. 2014. № 9. С. 4–9.
- Заяц Д.В., Зорина Д.С.* Диспропорции экономического развития постсоветского пространства // Региональные исследования. 2015. № 1. С. 72–77.
- Земсков В.Б.* Одноглазый Янус. Пограничная эпоха – пограничное сознание // Кануны и рубежи. Типы пограничных эпох – типы пограничного сознания. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Зорин В.Ю.* Государственная национальная политика в России на современном этапе // Феномен идентичности в современном гуманитарном знании: К 70-летию академика В.А. Тишкова / Сост. М.Н. Губогло, Н.А. Дубова; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. М.: Наука, 2011. С. 250.
- Зорин В.Ю.* Кавказ. Гуманитарные аспекты гармонизации политики // Государственная служба. 2011. № 3. С. 78–82.

- Зорин В.Ю.* Чечня: кремнистый путь к миру. (Дневник не для себя). М.: Виоланта, 1997. 384 с.
- Зорин В.Ю.* Дневник не для себя (1989–1999). Кн. 1: Чечня: кремнистый путь к миру. М.: Виоланта, 1999. 383 с.
- Зорин В.Ю.* Дневник не для себя (1989–1999). Кн. 2: Страсти Охотного ряда. М.: Виоланта, 1999. 576 с.
- Зорин В.Ю., Орешин С.А.* Опыт мирного урегулирования чеченского конфликта в 1995–1996 гг.: достижения и просчеты (часть первая) // Вопросы Национальных и федеральных отношений. 2019. № 8. Т. 9. С. 1256–1272.
- Зорин В.Ю., Орешин С.А.* Опыт мирного урегулирования чеченского конфликта в 1995–1996 гг.: достижения и просчеты (часть вторая) // Там же. № 9. С. 1485–1502.
- Зубаревич Н.В.* Социоэкономические различия между этническими регионами и политика перераспределения // Федерализм и этническое разнообразие в России: Сб. статей / Под ред. И. Бусыгиной, А. Хайнеманн-Грюндера. М., 2010. С. 91.
- Зубаревич Н.В.* Опасные тренды пространственного развития России // Вопросы социального обеспечения. 2011. № 9. С. 29.
- Зубаревич Н.В.* Свободные тренды пространственного развития России // Там же. № 4. С. 33.
- Зыков А.А., Шинковский М.Ю.* Трансграничность в современном политическом дискурсе // Политическая наука. 2010. № 3. С. 29–43.
- Ильин М.В.* Кольцевая модель глобального геополитического пространства // Полис. Сер. «Политические исследования». 2011. № 1.
- Ильин М.В.* Очерки хронополитической типологии: Проблемы и возможности типологического анализа политических систем. Ч. 1: Основания хронополитики. М., 1995.
- Исаев И.А.* Политическое ощущение границы: пространство и территория // История государства и права. 2013. № 4. С. 9–12.
- Кавказский регион: пути стабилизации: Докл. Междунар. науч. конф. / Отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д.: РГУ, 2004. 287 с.
- Каганский В.Л.* О территориальных границах. М.: Изд-во МГУ, 1975.
- Каганский В.Л.* Центр – провинция – граница. Основные зоны культурного ландшафта // Культурный ландшафт: вопросы теории и методологии исследования. М.; Смоленск: Изд-во СГУ, 1998.
- Казанский В.* Невменяемое пространство // Отечественные записки. 2002. № 6 (7).
- Казенин К.* «Тихие» конфликты на Северном Кавказе: Адыгея, Кабардино-Балкария, Карачаево-Черкесия. М.: REGNUM, 2009. С. 64.

- Каснэ С.И.* Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2007.
- Киняпина Н.С.* Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М.: Изд-во МГУ, 1984.
- Китинг М.* Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6.
- Клемешев А.П.* Регион в условиях глобализации // Вестник ВГУ. Сер. «Гуманитарные науки». 2005. № 2.
- Клименко Б.М.* Мирное решение территориальных споров. М.: Междунар. отношения, 1982. С. 16.
- Клименко Б.М., Порк А.А.* Территория и граница СССР. М.: Междунар. отношения, 1985. 304 с.
- Ключевский В.О.* Курс русской истории. М.: Изд-во социально-эконом. литерат., 1958.
- Козырев Г.И.* Введение в конфликтологию. М.: Гуманит. издат. центр ВЛАДОС, 2001. 156 с.
- Колосов В.А.* Теоретическая лимология: новые подходы // Международные процессы. 2003. № 3.
- Колосов В.А.* Как изучать новое пограничье России? // Там же. 2004. Т. 2. № 3.
- Колосов В.А.* География государственных границ: идеи, достижения, практика // Изв. РАН. Сер. «Географическая». 2008. № 5. С. 8–20.
- Колосов В.А.* Источники глобальной опасности // Журнал теории международных отношений и мировой политики. 2011. Т. 9. № 3 (27).
- Колосов В.А., Мироненко Н.С.* Геополитика и политическая география: Учеб. для вузов. М.: Аспект Пресс, 2001. 479 с.
- Колосов В.А., Туровский Р.Ф.* Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество // Изв. РАН. Сер. «Географическая». 1997. № 5. С. 106–113.
- Колосов В.А., Туровский Р.Ф.* Феномен нового российского пограничья // Там же.
- Колосов В.А., Туровский Р.Ф.* Типология новых российских границ // Там же. 1999. № 5. С. 40–48.
- Копылов Г.* Регион–сеть и региональные программы // Методологический и игротехнический альманах «Кентавр». 2003 [Электронный ресурс]. URL: [http:// circleplus.ru/cirde/kentavr/n/9/009КОРО](http://circleplus.ru/cirde/kentavr/n/9/009КОРО) (дата обращения 26.01.2015).
- Королев С.А.* Российская граница как край пространства: генезис и типология // Россия и современный мир. 2002. № 2 (35).
- Косарев В.А.* Социально-философский анализ пограничной политики России в Центрально-Азиатском регионе в 90-х годах XX века: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1997. 203 с.

- Котляр Н.В.* Коммуникационно-географические законы современных международных отношений: безграничные возможности российской границы // Политическая наука. 2010. № 3. С. 153–169.
- Котляр Н.В.* Российские регионы в мировой транспортной системе (геополитические аспекты) // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 14. С. 17–24.
- Кроули Д., Грэм К.* Медиация для менеджеров: разрешение конфликтов и восстановление рабочих отношений. М., 2010. С. 11.
- Кудияров В.А.* Пограничная политика России // Информ. бюл. МАИ. 1996. № 1.
- Кудияров В.А.* Пограничные пространства России // Вестник границы России. 1996. № 2.
- Кузьмин В.М.* Политическая лимология в системе наук о границах: исследование приграничных регионов // Вестник РГУ им. И. Канта. Сер. «Гуманитарные науки». 2008. Вып. 6.
- Леваш И.Я.* Регионалистика как концептуальное основание механизма межрегионального и приграничного сотрудничества // Псковский регионологический журнал. 2011. № 11.
- Лёш А.* Пространственная организация хозяйства / Пер. с нем. В.Н. Стрелецкого. М.: Наука, 2007. 664 с.
- Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: Сравнительное исследование. М.: Аспект-пресс, 1997. С. 55.
- Лимология: Учеб. пособие / Сост. С.И. Дмитриева. Воронеж: Издат.-полиграф. центр ВГУ, 2008. 112 с.
- Макарычев А.С.* «Игра понятий»: новая геометрия регионализма в современном европейском контексте // Международные процессы. 2003. № 3.
- Макарычев А.С.* Регионализм глазами конструктивизма: агенты, структуры, идентичности // Неприкосновенный запас. 2010. № 3.
- Малахов В.* Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций / Ин-т филос. РАН. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- Матвеев А.В., Татауров С.Ф.* К вопросу о восточных границах Сибирского ханства // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. «История». 2013. № 4 (24). С. 78–82.
- Мазуров В.Ю.* К вопросу о расширении состава и границ Сибирского Федерального округа // Право и государство: теория и практика. 2011. № 12 (84). С. 133–134.
- Медиация: Учеб. / [Аллахвердова О.В. и др.]; под ред. А.Д. Карпенко, А.Д. Осинковского. СПб.; М.: Ред. журн. «Третейс. суд»: Статут, 2016. С. 129.

- Международные и внешнеэкономические связи субъектов Российской Федерации: Учеб. пособие / Под ред. А.Г. Гранберга. М.: Научная книга, 2001. 352 с.
- Межэтнические и конфессиональные отношения в Северо-Кавказском федеральном округе [Текст]: Экспертный доклад / Под ред. В.В. Степанова. М.: ИЭА РАН; Ставрополь: изд-во СКФУ, 2013. С. 4–5.
- Мельвил А.Ю.* Пространство и время в мировой политике // Космополис. 2007. № 2 (19).
- Моисеев М.* Страж южных границ России // Честь Отечества. 2015. № 7/8 (105/106). С. 26–27.
- Моро-Дефарж Ф.* Введение в геополитику. М.: Конкорд, 1996. 147 с.
- Мошкин С.В.* Закарпатье – «случайное» приобретение Сталина // Свободная мысль. 2012. № 1/2 (1631). С. 145–156.
- Николаев А.И.* Слишком велико значение границы // Граница России. 1994. № 7.
- Нифанов А.Н.* Комплексный подход к интерпретации государственной территории // Право и политика. 2012. № 4 (148). С. 794–800.
- Нойманн И.* Использование «другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое изд-во, 2004. 336 с.
- Нэх В.Ф.* История советской пограничной политики: 1917–1941 гг. М.: Кн. и бизнес, 2008. 362 с.
- О границах и зонах // Вопросы местного самоуправления. 2011. № 6. С. 139.
- Орешина М.А.* Регион как объект социально-гуманитарных исследований // Политическая наука. 2003. № 3.
- Основы регионоведения / Под ред. И.Н. Барыгина. М.: Гардарики, 2007. 399 с.
- Пайгина Д.Р.* Динамика субъективного состава Российской Федерации. Проблемы познания правовой системы: обзор научных докладов // Журнал российского права. 2014. № 10. С. 153–158.
- Панасюк М.В., Руденко А.В.* Анализ развития системы «Центр–периферия» региона // Изв. РАН. Сер. «Географическая». 2008. № 1. С. 60–72.
- Панасюк М.В., Руденко А.В.* Определение системы «центр-периферия» Республики Татарстан // Эконом. вестник Республики Татарстан. 2006. № 3.
- Плотникова О.В.* Региональное измерение в современном мироустройстве (на примере унитарных государств) // Власть. 2012. № 9. С. 72–75.
- Плотникова О.В.* Влияние регионализма на развитие международных связей регионов федеративных государств // Там же. № 10. С. 81–84.

- Пограничный словарь. М.: Академия ПС РФ, 2002. 260 с.
- Пограничная служба ФСБ России [Электронный ресурс]. URL: <http://ps.fsb.ru/international.htm> (дата обращения 00.00.00).
- Приграничные и трансграничные территории Азиатской России и сопредельных стран (проблемы и предпосылки устойчивого развития) / Отв. ред. П.Я. Бакланов, А.К. Тулохонов. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. 610 с.
- Программа межрегионального и приграничного сотрудничества между Российской Федерацией и Республикой Казахстан на 2011–2017 г. (принята в г. Астрахани 15.09.2011) [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/21097138> (дата обращения 00.00.00).
- Прозрачные границы. Безопасность и международное сотрудничество в поясе новых границ России / Под ред. Л.Б. Вардомского и С.В. Голунова. М.; Волгоград: Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям, 2002. 572 с.
- Прозектор Д.М.* Политика и безопасность. М.: Наука, 1988. 190 с.
- Ридевский Г.В.* Три модели сжатия пространства и регионализация как процесс сжатия пространства на внутристрановом уровне // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования / Под ред. С.С. Артоболевского и Л.М. Синцера. М.: Эслан, 2010.
- Рик Ш.* Феномен идентичности // Образование и социальное развитие региона. 1996. № 3–4.
- Ричбелл Д.* Медиация в строительном и девелоперском бизнесе. М., 2011. С. 164.
- Родачин В.М.* ФПС России и национальная безопасность страны // Вестник границы России. 1996. № 2.
- Родоман Б.Б.* Основные типы географических границ // Географические границы: Сб. статей. М.: Изд-во МГУ, 1982. С. 19–33.
- Роккан С., Урвин Д.* Политика территориальной идентичности. Исследования по европейскому регионализму // Логос. 2003. № 6 (40). С. 117–132.
- Россия и Кавказ на рубеже столетий: материалы второго заседания «круглого стола» «Между Западом и Востоком. Россия и Кавказ на рубеже столетий» на общую тему: «Россия и Кавказ в XXI веке» / Ред. совет: А.Х. Галазов, Л.И. Швецова. М.: Дедалус, 2006. 163 с.
- Российская Федерация: безопасность и военное сотрудничество / А.И. Подберезкин [и др.]. М.: РАЗ-Корпорация, 1995. 396 с.
- Российский Кавказ: проблемы, поиски, решения / Под общ. ред. Р.Г. Абдулатипова, А.-Н.З. Дибирова. М.: Аспект Пресс, 2015. 600 с.

- Российский Северный Кавказ: исторический опыт управления и формирования границ региона / Т.П. Хлынина, Е.Ф. Кринко, А.Г. Урушадзе // Юж. науч. центр РАН; Ин-т соц.-экон. и гуманитар. исслед. Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2012. 271 с.
- Сарайкина С.В.* Лимнологические особенности административной границы Республики Мордовия // Регионология. 2014. № 1. С. 44–49.
- Скулаков Р.М.* Территориальная целостность России и меняющийся мир // Социально-гуманитарные знания. 2015. № 3. С. 244–250.
- Семанов С.* Размышления о границах // Природа и свет. 2012. № 8. С. 4–7.
- Сердеров Р.М.* О внутренних и внешних угрозах России на Северном Кавказе // Власть. 2015. № 6. С. 202–206.
- Семёнов-Тян-Шанский В.П.* Район и страна. М.; Л.: Госуд. изд-во. 1928. 311 с.
- Сорокин А.К.* Границы Незалежной [Текст] // Русская история. 2014. № 3 (30). С. 64–70.
- Спрыгина О.Р.* Правовое регулирование изменения границ между субъектами Российской Федерации: проблемы и решения // Бизнес в законе. 2014. № 3. С. 56–60.
- Снежанова Л.Н.* Приграничное сотрудничество в Российской Федерации. М.: Национ. ин-т развития соврем. идеологии, 2009.
- Совет Безопасности Российской Федерации // Проблемы пограничной политики России. 1997. Вып. 1.
- Советский энциклопедический словарь / Под ред. А.М. Прохорова. М.: Сов. энцикл., 1980.
- Социально-экономические проблемы нового российского пограничья / В.А. Колосов [и др.] // Изв. РАН. Сер. «Географическая». 1997. № 3.
- Стратегии пространственного развития в Российской Федерации: географические ресурсы и ограничения / С.С. Артоболевский, В.Л. Бабурин, П.Я. Бакланов [и др.] // Изв. РАН. Сер. «Географическая». 2009. № 3.
- Таможенный кодекс Таможенного союза. М.: Эксмо, 2015.
- Тавровский Ю.В.* Не допустить курительной катастрофы // Вопросы местного самоуправления. 2011. № 2. С. 100.
- Толстых В.Л.* Международная деятельность субъектов Российской Федерации. Томск, 2002.
- Трансграничный регион: понятие, сущность, форма: Монография / Под ред. П.Я. Бакланова, М.Ю. Шинковского. Владивосток: Изд-во Дальнаука, 2010. 276 с.
- Трейвиш А.И.* «Сжатие» пространства: трактовка и модели // Сжатие социально-экономического пространства: новое в теории регионального развития и практике его государственного регулирования. М.: ИГ РАН, МАРС, 2010.

- Трещевский Ю.И., Круглякова В.М.* Анализ динамики иностранных инвестиций в регионы России // Эконом. вестник Рост. гос. ун-та. 2010. Т. 8. № 1. С. 151–159.
- Туrowsкий Р.Ф.* Баланс отношений «центр–регионы» как основа территориально-государственного строительства // МЭиМО. 2003. № 12.
- Туrowsкий Р.Ф.* Политическая регионалистика. М.: ГУ-ВШЭ, 2006.
- Туrowsкий Р.Ф.* Баланс политических отношений между центром и регионами в процессах государственного строительства: Дис. ... д-ра полит. наук. М.: Изд-во МГУ, 2007.
- Туrowsкий Р.Ф.* Субнациональные регионы в глобальной политике (на примере России) // Полис. 2011. № 2.
- Тымко А.И.* Перспективы охраны новых участков государственной границы Российской Федерации: Дис. ... канд. воен. наук. М., 1994.
- Тютюнина Е.С.* Административно-территориальное строительство на Северном Кавказе. 1917–1941 гг. Майкоп: Меоты, 1995. С. 203–204.
- Федосова Е.В.* Республика Северная Осетия – Алания // Республики Северного Кавказа: этнополитическая ситуация и отношения с федеральным центром / Сост. И.Г. Костиков. М.: Макс Пресс, 2012. С. 9.
- Философская энциклопедия: В 5 т. М.: Сов. энцикл., 1960–1970.
- Фишер Р., Юри У., Паттон Б.* Переговоры без поражения: Гарвардский метод. М., 2013. С. 57.
- Харин А.Н.* Религия как ядро цивилизации: «за» и «против» // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 5. С. 97–107.
- Хаусхофер К.* О геополитике: Работы разных лет: Границы в их географическом и политическом значении. М.: Мысль, 2001.
- Хвощев В.Е.* Пограничная политика и безопасность: Опыт регионального анализа: Монография / В.Е. Хвощев, Р.Ш. Муллаянов. Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2001. 345 с.
- Цветкова О.В.* Генезис политических и географических концепций государственных границ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. СПб., 2014. Т. 10. № 4. С. 161–172.
- Цветкова О.В.* Компаративный анализ моделей территориально государственного строительства // Вектор науки ТГУ. Тольятти, 2014. № 2 (28). С. 135–138.
- Цветкова О.В.* Концепции границ в географических и политических исследованиях // Вестник Университета (Гос. ун-т управления). М.: Издат. дом ГУУ. 2014. № 4. С. 149–153.
- Цветкова О.В.* Концепции политического пространства: центр и периферия // Вектор науки ТГУ. Тольятти, 2014. № 1 (27). С. 171–173.

- Цветкова О.В.* Политико-территориальная структура государства: теоретико-методологические основы // *Власть*. 2014. № 9. Ч. 1. С. 193–196.
- Цветкова О.В.* Политическое пространство в региональном измерении: центр и периферия // Там же. № 12. С. 70–74.
- Цветкова О.В.* Система государственного управления как элемент политико-территориальной структуры // Там же. № 11. С. 101–104.
- Цветкова О.В.* Теоретико-методологические основы исследований государственных границ // *Регионология*. Саранск, 2014. № 2 (87). С. 40–47.
- Цветкова О.В.* Территория и границы: внутривосточное и межрегиональное измерение: Монография. М.: Логос, 2014. 132 с.
- Цветкова О.В.* Феномен государственной границы // *Власть*. 2014. № 8. С. 66–70.
- Цветкова О.В.* Функции государственных границ и приграничных территорий в трансграничных отношениях // *Вектор науки ТГУ*. Тольятти, 2014. № 3.
- Цветкова О.В.* Функции политико-административных границ // В мире научных открытий. Красноярск: Научно-инновационный центр, 2014. № 33 (51). С. 1478–1487.
- Цветкова О.В.* Центр и периферия в региональном развитии: теории территориальной политики // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2014. № 7. Ч. 1. С. 189–203.
- Цветкова О.В.* Внутривосточные модели региональных отношений // *Власть*. 2015. № 7. С. 29–35.
- Цветкова О.В.* Политико-правовые проблемы пограничных регионов // Там же. № 9. С. 83–88.
- Цветкова О.В.* Политическая лимнология: концепт границы // *Регионология*. Саранск, 2015. № 3 (92). С. 5–14.
- Цветкова О.В.* Политические и территориальные принципы проведения политико-административных границ // Там же. № 1 (90). С. 18–27.
- Цветкова О.В.* Политическое пространство России: границы и пограничье. М.: Логос, 2015. С. 91.
- Цветкова О.В.* Межнациональные противоречия на Северном Кавказе // *Симбирский научный вестник*. 2016. № 2. С. 173–176.
- Цветкова О.В.* Территориальные конфликты и споры в политическом пространстве Российской Федерации: внутривосточное измерение // *Конфликтология*. 2016. № 4. С. 117–134.

- Цветкова О.В.* Технология политической медиации в урегулировании территориальных конфликтов на постсоветском пространстве // Геополитический журнал. 2017. Т. 17. № 1. С. 37–42.
- Цветкова О.В.* Медиация и ее роль в урегулировании внутренних территориальных конфликтов в Российской Федерации // Российский журнал правовых исследований. 2018. № 1.
- Цветкова О.В.* Политическое пространство: теоретико-методологические основы // Социально-гуманитарные знания. 2019. Т. 5. С. 204–212.
- Цветкова О.В.* Урегулирование территориальных споров на Северном Кавказе: правовая база и неформальные практики // Вестник Российской нации. 2019. № 2. С. 95–101.
- Цветкова О.В.* Региональная идентичность как фактор формирования культурно-исторической и социально-территориальной общности // Вестник Томского гос. ун-та. Сер. «История». 2021. № 74. С. 170–175.
- Шамликашвили Ц.А.* Эффективность медиации во внешнеторговых спорах // Внешнеторговое право. 2011. № 1. С. 7.
- Шнирельман В.А.* Быть аланами: интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: Новое лит. обозрение, 2006. С. 47.
- Шугрина Е.С.* Изменение территории муниципального образования: особенности правового регулирования и правоприменительной практики // Местное право. 2012. № 5. С. 13–22.
- Шугрина Е.С.* Соотношение понятий «муниципальное образование», «административно-территориальная единица», «населенный пункт» // Городское управление. 2013. № 1. С. 30–43.
- Щербатов А.С.* Пограничная безопасность России и система ее обеспечения // Безопасность. 1996. № 1–2.
- Agnew J.* Place and Politics. The Geographical Mediation of State and Society. Boston, 1987.
- Allies P.* L'invention du Territoire. Grenoble: Presses Univ. de Grenoble, 1980.
- Ancel J.* Geopolitica. P.: Librairie Delagrave, 1936.
- Ancel J.* Les frontieres. P.: Armand Colin, 1938.
- Bartolini S.* Restructuring Europe: Centre Formation, System Building, and Political Structuring between the Nation State and the European Union. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005.
- Boggs S.W.* International Boundaries. N. Y.: Columbia Univ. Press, 1940.
- Border Discourse: Changing Identities, Changing Nations, Changing Stories in European Border Communities. July 2000. URL: [http:// cordis. Europa.eu/fp5/home.html](http://cordis.Europa.eu/fp5/home.html).

- Caramani D.* The nationalization of politics: The formation of national electorates and party systems in Western Europe. Cambridge. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2004.
- Castells V.* The power of Identity. Oxford: Blackwell Publishers, 1997.
- Cohen S.* Geography and Politics in a Divided World. L., 1964.
- Cooke P.* Regional innovation systems, clusters, and the knowledge economy // Industrial and Corporate Change. 2001. № 10 (4).
- Curzon of Kedleston, Lord 1907. Frontiers. The Romanes Lecture. Oxford, 1907.
- Dokoupil J.* Hranice a hranicni efekt // Ceske Pohranici – bariera nebo proctor zprostredkovani? Praha: Academia, 2004.
- Eisenstadt S.* Cultural Orientations and Center-Periphery in Europe in a Comparative Perspective / P. Torsvik (ed.) // Mobilization, Center-Periphery Structures and Nation-Building: A Volume in Commemoration of Stein Rokkan. Bergen: Univ. forlaget; Irvington-on-Hudson; N. Y.: Columbia Univ. Press, 1981.
- Elden S.* Governmentality, calculation, territory. Environment and Planning D // Society and Space 25. 2007.
- Elden S.* Land, terrain, territory // Progress in Human Geography. 2010. Vol. 34 (6).
- Finer S.* State-building, state boundaries and border control: An essay on certain aspects of the first phase of state-building in Western Europe considered in the light of the Rokkan-Hirschman model // Social science information. 1974. Vol. 13.
- Friedmann J.* Regional development policy. Boston: Mass. Inst. Techn, 1966. 458 p.
- Galtung J.* A structural theory of imperialism // Journal of peace research. 1971. Vol. 8. № 2.
- Goertz G., Diehl P.F.* Territorial Changes and International Conflicts. N. Y.: Routledge, 1992. 375 p.
- Gottmann J.* La politique des E'tats et leur g'eographie. P.: Armand Colin, 1951.
- Gottmann J.* ElSments de GSographie Politique. P.: Les Cours de Droit, 1955.
- Hagerstrand T.* Innovation Diffusion as a Spatial Process. Chicago, 1967. P. 26.
- Hartshorne R.* The Polish Corridor // Journal of Geog. 36. May. 1937.
- Hartshorne R.* A Survey of the Boundary Problems of Europe. Geographical Aspects of International Relations / C.C. Colby (ed.). Chicago: Univ. of Chicago Press, 1938.
- Hartshorne R.* The Functional Approach in Political Geography // Annals of the Association of American Geographers, TD. June, 1950.

- Hechter M., Brustein W.* Regional modes of production and patterns of state formation in Western Europe // Amer. j. of sociology. 1980. Vol. 85. № 5. P. 1061–1094.
- Heraud G.* Ethnischer Foederalismus – zur Vermeidung ethnischer Konflikte. Foederalismus als Mittel permanenter Konfliktregelung. Schriftenreihe des Instituts für Foederalismusforschung. Wien, 1977. Bd. 6.
- Hirschman A.O.* Exit, Voice, and Loyalty: Response to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1970.
- House J.* Frontier on the Rio Grande: A Political Geography of Development and Social Deprivation. Oxford: Clarendon Press, 1982. 436 p.
- Houtum H.* Internationalisation and Mental Borders // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 1999. Vol. 90. № 3.
- Jones S.B.* Boundary Making. Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 1945.
- Komornitcki T.* Granice Polski. Warsaw, 1999.
- Markusen A.R.* Regions: The economics and politics of territory. New Jersey: Rowman and Littlefield, 1987. 304 p.
- Martinez O.J.* Border People. Life and Society in the U.S. Mexico Borderlands. Tuscon, 1994.
- Minghi J.* Boundary studies in political geography // Annals of the Association of American Geographers. 1963. Vol. 53. № 6.
- Most B.A., Starr H.* Inquiry, logic and international politics. Columbia: Univ. of South Carolina press, 1989. 243 p.
- Newman D., Paasi A.* Fences and neighbours in the postmodern world: Boundary narratives in political geography // Progress in human geography. Washington, 1998. Vol. 22. № 2.
- Paasi A.* Boundaries as Social Practice and Discourse: The Finnish-Russian Border, 1999. Vol. 33.7.
- Paasi A.* Bounded spaces in the mobile world: deconstructing “regional identity” // Tijdschrift voor Economische en Sociale Geografie. 2002. Vol. 93. Is. 2.
- Prescott J.R.* The Geography of Frontiers and Boundaries. L., 1965.
- Prescott J.R.* Political Frontiers and Boundaries. L., 1987.
- Prescott J., Schofield C.* The maritime political boundaries of the world. 2nd ed. Leiden; Boston: Martinus Nijhoff, 2005. P. 32.
- Raffestin C.* Pour une géographie du pouvoir. P: Libraires Techniques, 1980.
- Raffestin C.* Elements for a theory of the frontier (trans. by J. Ferguson). 1986. Diogenes 34, 1–18.
- Ratzel F.* Politische Geographie. München, 1897.
- Rokkan S.* Cities, states and nations: A dimensional model for the study of contrast in development // Building states and nations: Method and data resources. Beverly Hills: Sage, 1973. Vol. 1.

- Rokkan S.* State, Nation, Class. Oslo: Univesitetsvoriaget, 1987.
- Rokkan S.* The center-periphery polarity // Center periphery structures in Europe: an ISSC workbook in comparative analysis. Frankfurt a. M.: Campus, 1987.
- Rokkan S.* State Formation, Nation-Building, and Mass Politics in Europe: The Theory of Stein Rokkan: Based on His Collected Works. Oxford, N. Y.: Oxford Univ. Press, 1999. P. 95–122.
- Rokkan S., Urwin D.* Economy, Territory, Identity: Politics of West European Peripheries. L.: Beverly Hills, 1983.
- Ross C.* Federalism and Electoral Authoritarianism under Putin. Demokrati-zatsiya // Journal of Post-Soviet Democratization. 2005. Vol. 13. № 3.
- Sack R.* Human Territoriality: Its Theory and History. Cambridge, 1986.
- Scott J.W.* Euroregions, Governance and Transborder Cooperation within the EU // Europ. Res. Regional Sci. 2000. № 10.
- Seer D.* The Periphery of Europe. Underdeveloped Europe: Studies in core-periphery relations. Atlantic HighlandsM: Humanities, 1979.
- Semple E.C.* Influences of Geographic Environment. N. Y.: Holt, 1911.
- Shils E.* Centre and periphery in The Logic of Personal Knowledge: Es-says Presented to Michael Polanyi. Routledge & Kegan Paul, 1961. P. 117–130.
- Simmel G.* Soziologie des Raumes // Georg Simmel Gesamtausgabe. Bd. 7 / Hrsgg. v. Rudiger Kramme, Angela Rammstedt und Otthein Rammstedt. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1995. S. 132–183.
- Soja E.W.* The political organization of space. Commission on College Geog-raphy Resource 1971. Paper 8. Washington, DC: Association of Ameri-can Geographers, 1971.
- Spykman N.J.* Frontiers, Security and International Organization // Geo-graphical Review. 1942. № 32. July.
- Straysz-Hupe R.* Geopolitics. The struggle for Space and Power. N. Y., 1942.
- Tilley C.* A Phenomenology of Landscape; Places, Paths and Monuments. Oxford: Berg Publishers, 1994.
- Wallerstein I.* The modem world system. N. Y.: Academic press, 1974.
- Wallerstein I.* Historical capitalism. N. Y.: NLB, 1983.
- Wallis A.I.* Evolving structures and challenges of metropolitan regions // National Civic Review. 1994. Vol. 83. № 1. P. 40–53.
- Wellhofer S.* Core and Periphery: Territorial Dimensions in Politics // Urban Studies. 1989. Vol. 26. № 3. P. 341.

Ц27

Цветкова О.В.

Политическое пространство Кавказского региона: субнациональные границы и технологии разрешения этнотерриториальных конфликтов и споров. М.: РГГУ, 2022. 99 с.

ISBN 978-5-7281-3094-9

В монографии на основе широкого круга документальных источников и опубликованных научных трудов исследуется политическое пространство Кавказского региона. В частности освещены технологии политических переговоров и медиации при урегулировании этнополитических конфликтов на Северном Кавказе.

Для политологов, историков, конфликтологов и представителей смежных научных дисциплин, а также политиков и юристов, интересующихся вопросами урегулирования и разрешения этнополитических и этнотерриториальных конфликтов и споров на международном и внутривосточном уровнях.

УДК
ББК

Научное издание

Цветкова Ольга Викторовна

Политическое пространство Кавказского региона:
субнациональные границы
и технологии разрешения
этнотерриториальных конфликтов и споров

Оформление обложки

Корректор
Н.В. Москвина

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Подписано в печать 10.02.2022.

Формат 60×90^{1/16}.

Уч.-изд. л. . Усл. печ. л. .

Тираж экз. Заказ №

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
8-499-973-42-06